

Пуля как последнее похмелье (В. А. Каруцкий)

...Начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Василий Каруцкий летом 1936 г. покидал Новосибирск с большим конфузом. Приказ наркома Г. Г. Ягоды о снятии этого комиссара госбезопасности 3-го ранга (звание, соответствовавшее генерал-лейтенанту) содержал, помимо прочего, весьма жёсткую формулировку: «за моральное разложение». Местные партийные боссы лицемерно сокрушались на своих закрытых совещаниях — дескать, мы и ведать не ведали, что полтора года ловлей врагов народа у нас занимался отъявленный пьяница! Сами чекисты на партсобрании рвали на себе волосы и каялись: «С Каруцким пьянствовали видные наши работники-коммунисты, а кто-нибудь об этом сигнализировал? Нет». Но раз о его досуге узнали в Москве, логично предположить, что «сигналы» всё-таки были. Кстати, оказалось, что начальник управления ни разу не удосужился посетить ни партсобрания, ни даже заседания парткома, зато обожал банкеты и вечеринки за казённый счет, отчего в финансах УНКВД образовалась порядочная дыра...

Василий Абрамович Каруцкий не может похвастаться избытком внимания со стороны исследователей, хотя в чекистской среде 1920 — 1930-х гг. эта личность была весьма и весьма авторитетной. Его пристрастие к вину не считалось особенным грехом, а весёлый нрав и готовность к застольям позволяли обзаводиться широким кругом знакомств. По ряду обстоятельств он кратко «засветился» в наиболее информативных мемуарах (Г. Агабекова, М. Шрейдера, А. Мироновой), посвящённых видным деятелям госбезопасности.

В течение полутора десятков лет Каруцкий руководил крупными региональными подразделениями ОГПУ-НКВД, постепенно продвигаясь по служебной лестнице. Судьба бросала его из одного конца страны в другой, пока не привела к руководству столичными чекистами. Случилось это в нехорошем для очень многих чекистов 1938-м. Но Василий Абрамович не доставил удовольствия своим коллегам арестовать себя, а потом, после тайного суда, везти к подмосковной «Коммунарке» — бывшей даче наркома внутренних дел Ягоды, на чьей обширной территории нередко и расстреливали видных гебистов. Своей судьбой он распорядился сам...

Из всех предвоенных начальников управления НКВД по Запсибкраю В. А. Каруцкий был единственным сибиряком, уроженцем Томска. Выходец из мещанского сословия, он родился в феврале 1900 г. в семье приказчика и к началу гражданской войны как раз успел закончить томскую гимназию и пройти один курс юрфака Томского университета. При Колчаке юношу в марте 1919 г. мобилизовали в армию, определив в музыкальную команду. У белых Василию не понравилось, и через два с половиной месяца этот полноватый увалень, пользуясь слабостью надзора за музыкантами, сбежал к партизанам — слушать, как выразился бы Александр Блок, «музыку Революции». Так следует из официальных анкет нашего героя: дескать, в марте мобилизован, а в июне уже дезертировал [129].

Иную версию, изложенную по свежим следам осенью 1921 г., можно обнаружить в автобиографии славгородского чекиста Аркадия Лифшица, который как студент-медик был мобилизован колчаковцами в августе 1919 г. в 46-й полк: «Здесь я познакомился с Каруцким и Костей (фамилии не могу запомнить), которые имели связь с [Е. М.] Мамонтовым, стоя во главе подпольной организации. Благодаря им, их работе было устроено восстание в полку, и полк перешёл на сторону партизан Мамонтова, перебив офицеров». В пользу этой версии говорит и редкость такой фамилии, как Каруцкий, и то, что мамонтовцы воевали на Алтае — именно там, где начиналась советская карьера Василия [130].

Из этого сообщения также следует, что к партизанам Каруцкий и его товарищи ушли отнюдь не в июне, ибо восстание 43-го и 46-го полков, расквартированных в селе Пospelиха под Барнаулом, произошло только 28 ноября 1919 г. Воспользовавшись тем, что многие офицеры были отправлены на лечение в Барнаул, заговорщики 43-го полка связались с 46-м, перестреляли всех оставшихся командиров, отбили атаку верных Колчаку войск и ушли к партизанам.

С другой стороны, официальная биография Василия Каруцкого говорит о том, что уже с 6 ноября он был сотрудником так называемого Западно-Сибирского облакома — органа советской власти на обширной территории, отбитой алтайскими партизанами к началу осени 1919 г. У повстанцев он воевал, похоже, совсем недолго, но вполне успешно: 10 декабря 1919 г. красные партизаны победоносно вошли в Барнаул, и Каруцкий стал членом Алтайского ревкома. Одновременно с 15 декабря он вошёл в состав следственной комиссии при ревкоме (прообраза будущей губернской чека), а затем был определён в военные следователи ревтрибунала 26-й дивизии, базировавшейся на Алтае. Так начатки юридического образования, полученного при белых, определили его жизненный путь.

В мае 1920 г. Каруцкого перевели в военные следователи ревтрибунала знаменитой 5-й армии Восточного фронта, разбившей Колчака и дислоцированной в Сибири. Полгода спустя его приняли в партию, а не позднее февраля 1921 г. молодой трибуналец уже работал начальником секретно-оперативной части и одновременно замначальника Особого отдела Восточно-Сибирского военного округа, которым руководили Л. И. Коган и М. Д. Берман. Это подразделение, занимавшееся как отслеживанием нелояльных элементов в воинских частях, так и борьбой со шпионажем и охраной границ, имело штат, сопоставимый с численностью губернской ЧК. Таким образом, Каруцкий сразу вписался в штат политической полиции, выдвинувшись за несколько месяцев в число ведущих военных контрразведчиков региона.

Правда, тогда же во время партийной чистки Каруцкого попытались обвинить в сокрытии того, что он был колчаковским офицером, но в конечном счёте это тяжелейшее обвинение было сочтено недоказанным [131]. Возможно, с этими политическими перипетиями связано понижение в 1922 г. Каруцкого до

должности начальника активной части Особотдела ВСВО, являвшейся главным оперативным подразделением, в котором сосредотачивалась негласная работа.

В Особом отделе Каруцкий занимался отнюдь не только вылавливанием бывших белых офицеров, обвинявшихся в карательной или заговорщицкой деятельности. В мае 1922 г. он запрашивал Сиббюро ЦК РКП (б) о том, как быть с трудармейцами, добывавшими уголь в Черемхове: те, узнав о демобилизации лиц 1899 г. рождения из трудовых частей, потребовали демобилизовать всех и бросили работу. Каруцкий сообщал, что из 1.300 рабочих батальона 95 % не вышли в забой: дескать, хотя зачинщики (порядка 30 человек) и арестованы, но батальон, состоящий из неблагонадёжных элементов, агитации не поддаётся. Каруцкий писал, что Иркутский губком партии и губисполком дали директиву агитировать, от чего мало толку. Особист вместо агитации предлагал арестовать половину батальона, поскольку забастовка сразу уменьшила угледобычу на целых 40 % [132]. Ответа Сиббюро ЦК не сохранилось, но вряд ли оно согласилось с арестом 600–700 трудармейцев, на чём настаивал Каруцкий.

Много хлопот чекистам доставляли сексоты-провокаторы, то и дело сводившие личные счёты и оговаривавшие ни в чём не повинных людей. В мае 1922 г. Ревтрибунал 5-й армии и ВСВО (одним из его членов был Каруцкий) рассмотрел дело врача тибетской медицины корейца Ден Нам Ика, преподавателя японского языка при Иркутском университете Ли Пен Тая и повара политуправления армии коммуниста (а также сексота Особого отдела округа) В. В. Семимира.

Выяснилось, что Ден Нам Ик «из вражды политической и личной к корейским революционерам, членам РКП (б) Тео До Шену и Ден Ю Дену, войдя в соглашение с Ли Пен Таем и Семимиром, написал два письма на корейском языке, якобы адресованных из Японии на их имя, уличавших названных граждан в причастности к японскому шпионажу, и передал их Ли Пен Таю для перевода на японский язык, а затем Семимиру для предоставления в Особотдел ВСВО, в результате чего граждане Тео До Шен и Ден Ю Ден были арестованы как японские шпионы и просидели в заключении около трёх месяцев». Также Ден Нам Ик «подстрекал» доктора Хо Хун Го написать ложный донос на сотрудников Особого отдела Ли Хуна и Но Ен Сока.

Что касается В. В. Семимира, то он «расконспирировал себя перед лицами, враждебными Советвласти, и взял для передачи названные письма, и передал их, неоднократно ложно заявляя, что они перехвачены им, как сексотом, у некоего китайца, кроме того, в подаваемых им заявлениях докладывал, что Тео До Шен и Ден Ю Ден являются японскими шпионами... ложно доказывал их причастность к царской охранке и колчаковской контрразведке». Очевидно, что клевета на членов компартии была сочтена отягчающим обстоятельством. Учтя, что обвиняемые понимали опасность своих действий «и то наказание, какое ожидало оговариваемых ими лиц», трибунал постановил расстрелять всех троих и октябрьской амнистии «не применять как к лицам, совершившим

контрреволюционный акт». Приговор подлежал исполнению через 48 часов [133] .

Многообещающее начало

Из огромного Особого отдела 5-й армии вышло много известных контрразведчиков. Каруцкий может считаться одним из самых ярких экспонатов этого чекистского питомника. Недавний студент-первокурсник там ходил в отличниках, зарекомендовал себя хватким следователем и в течение года был вторым лицом в Особом отделе ВЧК-ГПУ Восточно-Сибирского военного округа, сформированном на особистской базе упразднённой 5-й армии. Отдел постоянно служил источником кадров для губернских чека всего региона. В конце октября 1922 г. Каруцкому поручили сформировать группу из тридцати человек, после чего отправили в только что отвоёванный Владивосток — на должность руководителя Приморского губернского отдела Госполитохраны (уже в ноябре в связи с упразднением Дальневосточной республики этот карательный орган был переименован в губотдел ГПУ).

Вместе с ним прибыла небольшая группа контрразведчиков из Москвы, Иркутска и Читы, а также активных участников партизанского движения в годы гражданской войны на Дальнем Востоке — бывший начальник Секретного отдела ГПО ДВР А. Р. Альшанский, а также И. Г. Булатов, А. И. Горячев, К. С. Морозов, К. П. Улыбышев, К. С. Циунчик (стал начальником Особого отдела Приморского губотдела ГПУ) и другие. Они заняли в губотделе руководящие должности.

Матрос Балтфлота и участник штурма Зимнего дворца Василий Никитин одно время работал врид замначальника Приморского губотдела ГПУ. В 1923 г. помощником начальника ИНФО ПримГО ГПУ был К. Г. Веледерский, активный разведчик, неоднократно выезжавший с секретными заданиями за кордон. Видным работником Секретного и Контрразведывательного отделов был И. Д. Ильин. Бывший начальник активной части Госполитохраны ДВР эстонец И. Я. Ломбак с октября 1922 г. возглавил отделение контрразведки губотдела (в 50-х он работал министром внутренних дел Эстонской ССР) [134] .

Основной же костяк кадров составили приморцы, бывшие партизаны и подпольщики: Н. С. Барбук, М. С. Бобровский, С. Г. Борисов, В. Н. Воронов, А. Б. Грозовский, Г. Г. Груперт, А. И. Дарвин, Ф. П. Жилин, А. А. Зальпе, И. А. Колосов, В. В. Красников, А. О. Розен-Паспарнэ, Д. Г. Федичкин, Г. А. Фёдоров. Из машинисток в уполномоченные была произведена в октябре 1922 г. бывшая кассирша с начальным образованием Алиса Зубкова-Эркман-Битин [135] .

Василий Каруцкий стал одним из родоначальников системы госбезопасности на Дальнем Востоке, а тридцать его богатырей, не жалея сил, принялись искоренять белогвардейские вершки и японские корешки, поскольку разведка Японии, по мнению чекистов, имела в Приморье разветвлённую и хорошо законспирированную агентуру. Работникам ГПУ же свою агентуру пришлось

создавать с нуля, чтобы иметь возможность проникать в белогвардейские отряды, постоянно просачивавшиеся в Приморье из Маньчжурии, и противостоять очень квалифицированной японской разведке. Например, во всех крупных городах Маньчжурии она имела резидентов, замаскированных под владельцев отелей, ресторанов, аптек, работавших фотографами и коммерсантами, редакторами газет и научными сотрудниками [136].

Каруцкий 15 ноября 1922 г. дал интервью местной партийной газете «Красное знамя», где заявил: «Не проявляя террора, госполитохрана в корне будет пресекать всякие попытки создания новых авантюр, направленных против новой власти... Одна из важных задач — это борьба с мародёрством и расхитителями народного достояния. Хищникам, расхитителям, свившим себе гнездо в Приморье, пощады не будет...» [137]

И в тот же день Каруцкий арестовал своего предшественника — начальника (с августа 1920 г.) Приморского облотдела ГПО В. В. Долганова (Данилова), который настолько вяло боролся с контрреволюцией, что после захвата власти Временным правительством братьев Меркуловых в мае 1921 г. ухитрился получить от белых охранную грамоту и благополучно выехать из Владивостока в Харбин. Тут следует отметить, что до декабря 1920 г. в условиях наличия в Приморье японских войск и сильной контрреволюции, противившихся признанию ДВР, облотдел Госполитохраны существовал нелегально. Возможно, что обвинения Долганова в бездействии были связаны именно с этим вполне объективным обстоятельством. С другой стороны, относительно морального облика Долганова мы вправе испытывать сомнения, ибо этот крестьянский сын в 1906 г., будучи 20-летним, в с. Знаменка Томской губернии привлекался к уголовной ответственности по подозрению в убийстве.

Почти год спустя Долганова вызвали в Читку и арестовали — за связь с Меркуловыми и бездеятельность в бытность начальником облотдела Госполитохраны. Отсидев полгода, Долганов был освобождён и выехал во Владивосток, где вскоре оказался вновь арестован. На сей раз ему предъявили куда более тяжкие обвинения: государственную измену и шпионаж. После недолгого следствия в феврале 1923 г. Приморский губотдел ГПУ приговорил Долганова к расстрелу. Был ли он казнён, неизвестно, поскольку в следственном деле есть только информация об отправке — по распоряжению полпреда ГПУ по Дальневосточной области — дела бывшего чекиста в Читку [138].

Начав свою работу, владивостокские чекисты первым делом зарегистрировали более пяти тысяч белогвардейцев, в том числе четырёх генералов плюс 2.067 офицеров и военных чиновников. А затем принялись «зачищать» беспокойную территорию.

Так, уже в течение ноября-декабря 1922 г. в Приморье были арестованы 57 чел., объединённых в «Комитет монархических организаций». Получив донос о службе в русско-японской контрразведке некоего А. Гусева, который выдавал

«товарищей большевистского убеждения» японцам и русским белогвардейцам, чекисты «размотали» из этого сигнала большое дело.

Сочинённый ими «Комитет» и входившие в него организации якобы ставили своей задачей смещение советской власти на Дальнем Востоке и «установление самодержавия во главе с монархом из дома Романовых», а деятельность «Комитета» распространялась на весь Дальний Восток и КВЖД. Среди участников «организации» оказались заметные люди белого Приморья. Берлинский «Руль» в начале 1923 г., сославшись на «Рабочую газету», сообщил о том, что приморские чекисты обнаружили «обширную контрреволюционную организацию», состоявшую в основном из офицеров генерала М. К. Дитерихса. Возможно, речь шла именно об этом «Комитете».

В числе арестованных были: Иван Соболев, бывший исполняющий обязанности вице-губернатора Приамурской области, а затем управляющий Приморской областью при Временном Приамурском правительстве братьев Меркуловых и исполняющий обязанности управляющего Внутренними делами правительства генерала Дитерихса, Игорь Арцыбашев — заведующий крепостной артиллерией Владивостока, Леонтий Бонасевич и Иван Гурков — председатели судебной палаты, Николай Перелыгин — член окружного суда, Иван Вершинин — административный судья, Сергей Зозулевский — полковник артиллерии, Георгий Любишкин — служащий земского Собора, Николай Пирковский — организатор дружины внутренней обороны Владивостока и другие. Их дело было переправлено в Новосибирск и надолго застряло в недрах чекистской канцелярии. Членам мифической «организации» пришлось сидеть до 1925 г.

Всего за полгода аппарат Каруцкого «выдавил» в центральную Россию 10 тыс. «бывших», а из красноармейских частей вычистил до 900 человек. Из арестованных враждебных элементов 400 чел. были осуждены и отправлены по лагерям.

Тайные корреспонденты «Руля» сообщали в Берлин о невыносимых условиях, в которых содержались и отправлялись эшелоны с высланными «бывшими». Также в «Руле» в начале 1923 г. появилась не поддающаяся пока проверке информация об убийстве во Владивостоке некоего Яновского — якобы бывшего «создателя дальневосточной чеки» и министра внутренних дел ДВР, начинавшего свою карьеру исполнителем смертных приговоров в тюрьме Екатеринбурга. Неизвестные террористы якобы заманили Яновского на квартиру проститутки и расправились с ним [139].

В апреле 1923 г. свеженазначенный преемник Каруцкого П. И. Карпенко сообщал губкомму, что чекистами, в частности, в последнее время было арестовано 85 максималистов и анархистов, в Никольске-Уссурийском «изъято» 30 участников монархической организации (в которой, дескать, была даже молодёжная секция); в другой «монархической организации» чекисты смогли арестовать 20 чел. Партийные власти губернии поддерживали чекистов, давая им такие, например, рекомендации: «В Приморской обстановке трудно

разобраться с делами, не выходя из рамок закона. Иначе придётся освобождать явных преступников». Настаивавшая на соблюдении законности прокуратура, напротив, от губкома получала отповедь в виде совета «руководствоваться не столько формальной законностью, сколько политической необходимостью данного момента и особыми условиями Приморья» [140].

Если в период существования Дальневосточной республики с её свободами слова и предпринимательства японские разведчики свободно приезжали туда под видом коммерсантов, то после упразднения ДВР эти каналы стали стремительно усыхать. Главным своим противником чекисты считали руководителя японской военной миссии в Харбине Окубо. Заброшенные чекистами агенты в ряде населённых пунктов Маньчжурии «систематически осуществляли выемки секретных документов в японских учреждениях». С целью вербовки для работы в эмигрантских и связанных с Японией кругах самым широким образом использовались те многочисленные белоэмигранты, которые стремились вернуться на родину. Чекисты старались завербовать всех, кто обращался в советские консульства, предлагая перед возвращением «отработать» на Советскую Россию. Тем, кто отказывался, внятно разъясняли, что в этом случае могут пострадать их оставшиеся в России родственники. Как отмечал один из чекистских отчётов, такая угроза обычно хорошо помогала в заагентуривании возвращенцев [141].

Весной 1923 г. Василий Абрамович, сдав дела латышу с начальным образованием П. И. Карпенко (Ринкману), переехал в Благовещенск, где до конца июня следующего года руководил аппаратом Амурского губотдела ОГПУ. Заместителем Каруцкого в Благовещенске был латыш Ян Янович Альсберг, работавший в ЧК с 1918 г. (в 1925 г. он, утомлённый своей службой, заявил: «Чувствую себя нервно-потрёпанным, поэтому хотел бы уйти на другую работу», однако благополучно проработал в «органах» ещё более 10 лет) [142].

Некоторые подчинённые Каруцкого тех лет впоследствии доросли до немалых чинов. Младший брат нашего героя Семён тоже пошел работать в «органы». А сестра Анна Каруцкая дослужилась (на 1925 г.) до должности уполномоченного особого отдела ОГПУ 35-й дивизии Восточно-Сибирского военного округа — при том, что особисты обслуживали воинские части, и женщина в этой среде выглядела довольно странно. Но отметим, что в середине 1930-х гг. в штате Особого отдела СибВО в Новосибирске при Каруцком успешно работали в должности оперуполномоченных беспощадные к врагам народа Антонина Созонёнок-Григорьева и Дина Зотова-Глинякова [143], что говорит о полном доверии к прекрасному полу со стороны Василия Абрамовича, слывшего, впрочем, большим ловеласом.

Обстановка в Приамурье была беспокойной. 14 января 1924 г. в Амурской губернии вспыхнуло Зазейское восстание, начавшееся с выступления крестьян села Тамбовки против коммунистов. Уже четыре дня спустя число мятежников достигло шестисот, а за счёт мобилизации мужчин до 40 лет на пике выступления против властей действовала примерно тысяча человек.

Командовал восставшими бывший белый есаул Маньков. Повстанцы разгромили советские учреждения в нескольких волостях и провозгласили себя «временным Амурским правительством», выбросив лозунги «Учредительное Собрание и порядок!» и «Угнетённые против угнетателей». Выступая против «зверских налогов», они также требовали неприкосновенности личности и имущества. Главную роль в самопровозглашённом правительстве играли казаки Тамбовки и окрестных деревень.

Амурский губисполком поручил подавление восстания Каруцкому, подчинив ему и полевые части, и отряды ЧОН. Начальник губотдела ОГПУ смог быстро справиться с плохо вооружёнными повстанцами, среди которых едва половина располагала огнестрельным оружием. К 22 января основные силы Зазейского мятежа были разгромлены; часть восставших вместе с руководством ушла в Китай, откуда ещё некоторое время предпринимала вооружённые вылазки на советскую сторону. Чекисты арестовали 1.008 чел., убитых среди повстанцев оказалось 167, а раненых — 107. Со стороны властей погибли пятеро и ещё двое пропали без вести.

Однако человеческие потери на Дальнем Востоке не исчерпывались жертвами мятежей. В органах ОГПУ не редкостью были завязые уголовники, опьянённые доставшейся им огромной и бесконтрольной властью. Так, бывший начальник 55-го кавалерийского погранотряда Амурского губотдела ОГПУ Н. Я. Альто (Пушко) обвинялся во множестве преступлений. По словам инструктора отряда Т. А. Кожухова, выступившего в июне 1925 г. во время процедуры проверки партийных документов, Альто как-то хладнокровно выстрелил «в арестованного во время конвоирования, сказав: «Нужно убить этого негодяя!» ...арестованный просил добить, так как сильно мучался, Альто убежал за оторвавшимися лошадьми, а я из сожаления пристрелил мучавшегося раненного».

Тогда же помощник начальника 55-го отряда И. Г. Андреев заявил, что «при Альто были также [такие] огромные ненормальности, как попытка ограбления китайского пикета и др.». Тем не менее несколько лет спустя Альто всплыл в системе лагерей ОГПУ-НКВД [144]. В тот же период в 54-м погранотряде ОГПУ чекисты практиковали самовольные широкие аресты и жестоко пытали задержанных контрабандистов и нарушителей границы [145].

Вся партийно-чекистская номенклатура Дальнего Востока 20-х годов снабжалась контрабандными товарами. То же самое касалось других приграничных регионов: в ГПУ-НКВД Украины закордонная агентура и в 20-х, и в 30-х годах использовалась не столько в разведывательных, сколько в контрабандных целях. Например, помощник начальника 24-го Могилёв-Подольского погранотряда М. Ф. Гольмер-Зайцев настолько широко занимался контрабандой, снабжая руководящих сотрудников ГПУ Украины, в т. ч. В. А. Балицкого и его заместителей, что руководство погранвойсками в конце 1929 г. было вынуждено снять его с должности и удалить из республики, что, впрочем, только способствовало дальнейшей карьере этого чекиста. Таким образом, многие закордонные операции реально не имели отношения к охране

государственной безопасности, а являлись — в обстановке крайне высокой криминализированности закрытого от контроля чекистского сообщества — чисто коммерческими акциями по транспортировке в СССР значительных партий контрабанды.

Деятельное участие чекистов в контрабанде является, по нашему мнению, одним из объяснений феномена многолетних широких и беспощадных расправ с агентурой «органов». Многие, например, закордонные агенты, массами вербовавшиеся пограничными отрядами ОГПУ, являлись «разовыми» и уничтожались после выполнения (или, напротив, невыполнения) какого-либо задания.

В конце 1930-х гг. видный чекист А. М. Ратынский-Футер прямо заявил о «существующей традиции избавляться от отработанной агентуры», поведав, что агентов часто просто убивали при переходе границы и т. д. Ратынский, бывший особист и разведчик в Подольской губчека, в 1930–1933 гг. работал начальником иностранного отделения Одесского облотдела ГПУ, а к 1938 г. дослужился до поста начальника Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД Украины. Тогда же этот капитан госбезопасности был арестован и в 1939 г. расстрелян [146]. Он, безусловно, обладал полной информацией о судьбах большого количества негласных работников ЧК-НКВД Украины...

Такое признание крупного чекистского функционера сразу вызывает в памяти послание начальника КРО Приморского губотдела ОГПУ Н. М. Шнеерсона, который в конце 1925 г. отправил следующую красноречивую записку начальнику 53-го погранотряда (ст. Даурия) Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку. Держать мышьяк нужно в тёмном месте. С ком приветом» [147].

Логично предположить, что этот мышьяк предназначался, скорее всего, именно «отработанным» сексотам. Да и подстрелить возвращавшегося через обговоренное «окно» на границе и нагруженного контрабандой агента не составляло труда, после чего чекисты, присвоив основную часть ценностей, записывали себе в актив успешное пресечение попытки ввоза контрабандных товаров и ликвидацию очередного «лазутчика».

Возможно, у Каруцкого возник какой-то конфликт с местными властями или чекистским начальством, поскольку 30 июня 1924 г. он по неизвестной причине был освобождён от должности и три месяца ждал нового назначения. После чего с понижением направился в Среднюю Азию — заместителем начальника Ферганского облотдела ГПУ. Но уже два месяца спустя Василий с помощью полномочного представителя ОГПУ по Средней Азии Льва Бельского, своего давнего знакомого, в начале 1920-х гг. руководившего госбезопасностью в Дальневосточной республике, получил солидный пост председателя ГПУ Туркмении, который занимал четыре с половиной года. Впрочем, возможно, что за переезд Каруцкого в Среднюю Азию отвечал и Матвей Берман, прибывший

туда — чуть раньше Василия — на должность начальника Секретно-оперативной части полпредства ОГПУ [148] .

Среднеазиатская тоска

Кадровая ситуация в среднеазиатских «органах» была непростой. По доброй воле в опасный, отсталый и чересчур жаркий регион мало кто ехал, поэтому заметная часть оперсостава состояла из штрафников. В конце мая 1925 г. Дзержинский, получив ряд ходатайств из Ашхабада, писал Ягоде о том, что следует учесть пожелания Каруцкого: дать ему несколько опытных чекистов для руководства окружными отделами, не посылать в ГПУ Туркмении «негодный элемент» в качестве наказания и обратить внимание на пограничников, которые своими безобразиями компрометируют советские порядки как перед местными жителями, так и населением прилегающих областей Афганистана и Персии. Председатель ОГПУ согласился с политкорректным мнением Каруцкого привлекать в чекистский аппарат туркменов, которых в нём было немного. По мнению Дзержинского, следовало бы облегчить переход границы по семейным и торговым делам, чтобы «из-за боязни английских шпионов не восстанавливать против себя всего местного населения» [149] .

О том, как из трудной ситуации с ненадлежащим пополнением кадров выходил Василий Абрамович, известно немного. Например, среднеазиатским чекистам удалось сплавить из погранохраны жулика Боуфалло. Будучи начальником Военного (Особого — А. Т.) отдела Госполитохраны ДВР, А. С. Боуфалло в конце 1921 г. был снят и отдан под суд за присвоение 94 золотников 24 долей золота (около фунта) и бездействие, «выразившееся в том, что благодаря непринятым им своевременно мер воинские части терроризировали и грабили население». Дело на Авенира Боуфалло расследовали больше года и в конце концов златолюбивого чекиста вернули в «органы». В середине 1920-х он руководил Управлением пограничной и внутренней охраны ГПУ в Туркестане (должно быть, с подачи «дальневосточника» Бельского), затем был переведён в Закавказье, где погорел на контрабанде и был осуждён Коллегией ОГПУ [150] .

Каруцкий заботливо выращивал кадры, но преимущественно не из числа представителей коренной нации. Венгерский крестьянин Стефан Хайнал (Гайнал), сначала военнопленный австро-венгерской армии, потом красногвардеец в отряде Сергея Лазо, а затем узник японского концлагеря, партизан и сотрудник Госполитохраны ДВР, был уволен из «органов» и работал кладовщиком при «Дальгосторге» во Владивостоке. Однако уже осенью 1925 г. Хайнал замечен в качестве дежурного коменданта ГПУ Туркменской ССР. Под этим невыразительным должностным наименованием скрывались штатные исполнители приговоров, поэтому плохое знание русского языка не мешало Стефану Стефановичу в его специфической работе. Показав себя со всех сторон как усердный чекист, Хайнал был выдвинут и в середине 30-х годов подвизался личным секретарём Каруцкого [151] .

Продвигалась им и молодёжь. Работавший с 17 лет рассыльным в ГПУ Туркмении поляк В. В. Садовский пользовался покровительством Каруцкого и по инициативе последнего был взят на оперативную работу, а в 1929 г. — отправлен в Высшую пограншколу ОГПУ, где обучался на курсе особого отдела. В 1935 г. он специально прибыл из Киргизии в Новосибирск и с помощью Каруцкого получил работу в Особом отделе СибВО [152].

Задачами Каруцкого в республике стало искоренение басмачества, наблюдение за нелояльными и борьба с английским шпионажем. Известному туркменскому литератору Р. Эсену удалось ознакомиться с многотомной и многолетней агентурной разработкой «Туркмены», в основном посвящённой личности «туркменского Ленина» Н. Н. Иомудского. Чекисты усиленно следили за вернувшимся из эмиграции одним из виднейших национальных лидеров — Иомуд-ханом (Н. Н. Иомудским), много занимавшимся народным просвещением. Когда тот в 1924 г. уехал в Москву руководить Домом просвещения туркмен, чекисты проморгали выезд в Москву следовавших проездом через Ташкент сыновей Иомудского. Заместитель полпреда ОГПУ по Средней Азии М. Д. Берман от имени полпреда Л. Н. Бельского объявил Каруцкому письменный выговор за то, что тот запоздал известить Ташкент о выезде из Полторацка (название Ашхабада в 1919–1927 гг.) сыновей Иомудского: «Впредь телеграфируйте своевременно, указывая, каким поездом и в каком вагоне выезжает объект наблюдения».

Обеспокоенный высоким авторитетом Иомуд-хана, Каруцкий в декабре 1924 г. направил в полпредство ОГПУ такое письмо: «Постановлением ревкома ТССР Хан Иомудский введен в качестве представителя Туркменской республики в Среднеазиатский экономический Совет (СЭС)... Между тем сын Хана Иомудского, проживающий в Персии Ляля Хан самым тесным образом связан с турецким офицером Кадыром Эфенди (в Кумушдепе), который, как установлено, ведет шпионскую работу в пользу Турции и связан с англичанами. По имеющимся у нас агентурным данным, Хан Иомудский связан с Ляля Ханом и ведет с ним регулярную и оживленную переписку. В связи со всем вышеизложенным считаю, что пребывание Хана Иомудского в СЭС ни в какой степени нежелательно и вредно, так как в результате его и турки, и англичане могут быть превосходно информированы о всей экономической и политической жизни Средней Азии. Со своей стороны ГПУ ТССР полагает необходимым Хана Иомудского из СЭС удалить и о Вашем решении просит поставить в известность».

Однако вскоре Иомудский был выдвинут в члены Госплана СССР. А Матвей Берман ответил Каруцкому так: «Вашу точку зрения о Хане Иомудском секретно-оперативная часть ПП ОГПУ Средней Азии не разделяет и предлагает не препятствовать на его вхождение в состав СЭСа, так как наша задача заключается не в удалении таких элементов как Хан Иомудский, а в втягивании их в советскую работу с целью использования его связей в нашу пользу» [153].

В 1929 г. Каруцкий стал заместителем Бельского, перебравшись из Ашхабада в Ташкент, административный центр Средней Азии. В 1930–1931 гг. полпредом ОГПУ по Средней Азии работал видный чекист Л. Г. Миронов, сохранивший Каруцкого в должности заместителя. К 1930 г. грудь Василия украшали два ордена Трудового Красного Знамени — туркменский и узбекский, а также только что учреждённый боевой орден Красной Звезды. Борьба с басмачеством была оценена высоко - Каруцкий получил «звёздочку» номер четыре...

Эти награды ему достались, несмотря на досаднейший провал среднеазиатских чекистов, связанный с бегством управляющего делами ЦК КП (б) Туркмении и бывшего работника секретариата Сталина Бориса Бажанова. Тот пересёк туркмено-персидскую границу в новогоднюю ночь 1928 г., когда упившиеся в честь буржуазного праздника чекисты-пограничники совершенно утратили бдительность. Сам Каруцкий, лечивший свирепую азиатскую тоску исключительно водкой (оправдываясь тем, что огненная вода — отличная профилактика малярии), давал соответствующий пример своему аппарату. Бурная деятельность по ликвидации Бажанова, которую развил Василий, оказалась безрезультатной: посланные вдогонку переодетые туркменами красноармейцы опоздали, а нанятые головорезы-контрабандисты напрасно поджидали перебежчика у ворот тюрьмы в Мешхеде, куда тот был помещён персами ради его же безопасности. Но несколько дней спустя из ОГПУ пришел приказ отменить ликвидацию...

Встречавшийся с Каруцким будущий невозвращенец Г. С. Агабеков вспоминал, как чрезвычайно растолстевший Василий хвастался тем, как сразу после бегства Бажанова организовал похищение иранца, работавшего на англичан. Агенты Каруцкого ночью перебрались через границу, нашли нужного человека, отлупили как следует, завернули в простыню и доставили в Ашхабад. Знавший персидский язык Агабеков по просьбе Каруцкого допросил украденного агента, после чего Василий за парой бутылок водки как следует отметил «успех». С трудом ворочая языком, он рассказывал, как недавно был избран в члены ЦК республиканской компартии и получил орден, а потом попросил направлявшегося за границу Агабекова прислать ему шесть метров приличного материала на костюм, да еще духи и пудру «Герлэн» для супруги.

Несколько позже жена Каруцкого покончила с собой, что, как отмечал Агабеков, усилило давнюю тягу чекиста к алкоголю. Закавыка семейной жизни Каруцкого состояла в том, что именитый чекист имел неосторожность быть женатым на вдове белого офицера, расстрелянного большевиками (отметим, что многие чекисты согрешили в 20-е годы браками с офицерскими вдовами). Её сыном от первого брака Каруцкому сильно кололи глаза, и как-то он настоятельно предложил жене отправить мальчика к родителям. Несчастливая женщина не выдержала разлуки с сыном и предпочла самоубийство.

С тех пор глава республиканского ГПУ вел привольную холостяцкую жизнь, всю приударял за чужими жёнами (С. Н. Миронов-Король, работавший заместителем Каруцкого в бытность того полпредом ОГПУ в Казахстане, даже

вынужден был брать супругу-красавицу с собой в командировки), постепенно увеличивал привычную дозу алкоголя и лелеял, подражая всесильному зампреду ОГПУ Ягоде, обширную коллекцию зарубежной порнографии. Для доставки женщин Каруцкий завёл себе даже специального порученца [154] .

Но в Средней Азии Каруцкий не только гонялся за юбками, пил, объедался и пополнял гардероб. Не забывая о борьбе с английской разведкой, он подставлял ей своих людей, которые, представляясь перебежчиками, являлись к резиденту Интеллидженс Сервис в Иране. Под видом добытой информации они доставляли ему состряпанную Каруцким липу, после чего завербовывались ничего не подозревавшими англичанами. А у туркмена Джабара, одного из лучших английских агентов в Мешхеде, люди Каруцкого, по сообщению всё того же Агабекова, завербовали сына, получая от него все сведения, добываемые отцом для британцев.

В Мешхеде тогда жило много эмигрантов из Советского Союза — русских, узбеков, туркмен, татар. Город был базой для различных белоэмигрантских организаций, сотрудничавших с Интеллидженс Сервис. По обе стороны советско-иранской границы кочевало беспокойное племя туркмен-йомутов, исправно пополнявшее многочисленные басмаческие отряды. За один 1930 г. басмачи отбили у властей 1.317 гружёных хлебом верблюдов — к удовольствию англичан и крайнему возмущению Москвы [155] .

Но и Каруцкий не дремал. В начале 1930 г. ташкентские гелеушники распространили слухи о якобы действовавшей в городе тайной организации «русских контрреволюционеров», чтобы от её имени послать в Иран несколько человек. Дабы сомнений в их причастности к антикоммунистическому подполью не было, чекисты разбросали в Ташкенте противоправительственные листовки, а немного погодя громко сообщили о раскрытии контрреволюционной организации, некоторым членам которой, дескать, удалось уйти в Иран. Англичане «купились» на провокацию и до самого 1935 г. не подозревали, что имеют дело с чекистами.

Согласно официальным данным, в 1929–1932 гг. чекисты Туркмении легендировали существование в приграничных районах националистической организации и смогли внедрить своего агента в английскую разведку, что помогло вскрыть резидентуру Интеллидженс Сервис в Туркмении. Как сообщает учебник истории КГБ, осенью 1932 г. в Туркмении была раскрыта ещё одна вражеская резидентура: арестованы 23 «британских агента» (явно дутая цифра! — А. Т.), а также видный деятель туркменской эмиграции Вафаев.

В области политического сыска Каруцкий также был на высоте: так, в Фергане в январе 1930 г. была раскрыта «контрреволюционная организация» из 18 участников, в которую был включён и редактор газеты «Янги Фергана» Л. Алимов. Организации приписывалось умышленное вредительство в хлопководстве и возбуждение таким путём недовольства населения, а редактор был обвинён в том, что браковал статьи про успехи дехкан в ирригации и

вредности уразы (поста). А в начале сентября 1930 г. в Ташкенте была арестована эсеровская нелегальная группа из ссыльных эсеров во главе с Е. Е. Колосовым. О качестве собранных чекистами «улик» говорит тот факт, что бывший член ЦК ПСР Колосов отделался в итоге тремя годами ссылки за участие в «антисоветской организации» [156].

Коллективизация взорвала политическую ситуацию в регионе. Каруцкий в начале февраля 1930 г. сообщал в ОГПУ, что из Казахстана прибыло более тысячи хозяйств «голодобеженцев» с большой примесью «байских контрреволюционных элементов», которые ведут агитацию о притеснениях со стороны властей и встречают сочувствие местного населения. Выросла эмиграция, многие дехкане готовились уйти в Западный Китай и Афганистан. ГПУ Туркмении срочно готовило операцию по «изъятию бегущих кулаков». В феврале 1930 г. Г. Г. Ягода и помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Я. К. Ольский отправили Каруцкому в Ташкент телеграмму (а копию — в Новосибирск Л. М. Заковскому): «Бегущих кулаков-одиночек арестовывайте, группируйте по два-три вагона, направляйте [в] Сибирь [в] ссылку, где они Заковским должны быть посланы на работу. Бегущих кулаков [с] семьями задерживайте для направления [в] Казахстан...»

В своих отчётах Каруцкий отмечал сначала неподготовленность властей к «великому перелому»: дескать, «конкретные директивы коллективизации и раскулачивания в республиках Средней Азии отсутствуют». Затем крайнее усердие в раскрестьянивании и решение в несколько недель довести процент коллективизированных хозяйств до 50 и более вынудили нашего чекиста отметить, что «взвинченное головоотяпскими мерами население становится восприимчивым к контрреволюционным лозунгам». Каруцкий сообщал, что во всех народных выступлениях звучали требования восстановить в правах раскулаченных лишенцев, изменить налоговое законодательство, а также отменить законы, «защищающие женщин». В одном из женских выступлений прозвучало требование «разрешения выдачи замуж независимо от возраста».

Количество арестованным Каруцким «контрреволюционеров» поначалу было относительно умеренным: если к 15 февраля 1930 г. по СССР в ходе так называемой кулацкой операции было арестовано около 65 тыс. чел., то по Средней Азии — 162 чел., сведённых в две организации и 13 группировок. Для сравнения укажем, что в ряде других регионов цифры арестованных были многократно выше: по Северному Кавказу — 14,5 тыс., Центрально-Чернозёмной области — 7,2 тыс., Сибирскому краю — 6,1 тыс. Постепенно Каруцкий раскручивал карательный маховик, так что к 9 марта в Средней Азии накопилось 993 арестованных, а к 5 апреля 1930 г. — 2.776. Исправное осуждение всё новых и новых «контрреволюционеров» не снижало количества вновь арестованных за политические преступления — к июню 1930 г. в регионе только следственных заключённых было 2,2 тыс.

Произвол властей довёл людей до открытых восстаний. В Таласском районе Киргизии 22 марта 1930 г. началось восстание, охватившее 11 кишлаков. Толпа

в 400 чел., половина из которых была вооружена, напали на арестное помещение кантонного центра в с. Дмитриевское, освободив 53 «кулака», которые не замедлили примкнуть к повстанцам. Восстание подавили быстро, но четверо местных сельских активистов оказались убиты. Под Ташкентом отряд из 200 повстанцев под руководством бывшего председателя сельсовета коммуниста Усман-Узун Кондратова разгромил с. Аблык. Не менее тревожными выглядели сводки из приграничных районов: 13 марта 1930 г. в Таджикистан из Афганистана прорвались 15 всадников банды Полкан-Ишана, 21 марта на участке заставы Иш-Как со стороны Персии попытались войти 50 отрядовцев Мурат-Бека. Пограничники заставили уйти отряд последнего обратно, но потеряли в бою начальника заставы.

С басмачами в Средней Азии, численность которых в течение 1922 г. в результате активных действий Туркестанского фронта снизилась с 26 до 7 тыс., в основном было покончено к 1926 г., когда они лишились почти всякой поддержки населения. Но с августа 1929 г. басмачество стремительно возродилось в Ферганской области Узбекистана и Ошской области Киргизии, а несколько отрядов из Афганистана появились на территории Таджикистана. Чекисты с тревогой отмечали, что в Ошском округе были поражены бандитизмом семь районов, причём басмаческие отряды росли за счёт «социально близких» слоёв населения, а местные руководители и актив вместо борьбы с повстанцами немедленно ударились в панику. Под лозунгом защиты ислама и национальных обычаев мятежники громили колхозы, уничтожали партийно-советских работников и сельских активистов.

Армейские части к концу года смогли ликвидировать отряды, но недовольство коллективизацией оставалось базой для появления новых повстанческих группировок. В марте-апреле 1931 г. крупные отряды Ибрагим-бека прорвались из Афганистана в Таджикистан и рассеялись по республике, рассчитывая поднять всеобщее восстание. К маю 1931 г. их было почти три тысячи человек, однако удары правительственных войск они смогли выдерживать лишь в течение нескольких недель. Летом 1931 г. воинство Ибрагим-бека было полностью разгромлено [157]. Большую роль в разгроме повстанцев сыграли, в частности, оперативники полпредства ОГПУ Дуров и Римский, которые, как вспоминал М. П. Шрейдер, «прекрасно владели узбекским языком и с успехом проводили крупнейшие операции», неоднократно препровождая в Ташкент «целые отряды басмачей, которых им удавалось сагитировать и уговорить сдаться» [158].

В судьбы отдельных личностей загруженный карательной работой Каруцкий старался не вникать: в июне 1930 г., к примеру, подмахнул решение туркменского ГПУ об осуждении — без всяких доказательств — на очередные три года ссылки и без того давно уже ссыльного архиепископа Луки, в миру известного как замечательный хирург Войно-Ясенецкий. Так же равнодушно Каруцкий в начале 1932 г. выполнил решение Коллегии ОГПУ о досрочном освобождении из ссылки известного биолога профессора Ильи Иванова, автора

скандальных работ по попытке скрещивания обезьяны и человека [159]. Ссылкой интеллигенции в Средней Азии и Казахстане хватало...

Кстати, брат Каруцкого Семён в середине 20-х годов работал в Забайкалье и в 1925 г. был аттестован как не соответствующий «для работы в органах погранохраны». Тогда же он переехал в Среднюю Азию и работал поблизости от Каруцкого-старшего, возглавляя Мервский райотдел ГПУ Туркмении. Характеризовался он как пьющий и не соответствующий занимаемой должности: в 1932 г. получил два строгих выговора — за игнорирование директив ОГПУ по оперативному обслуживанию посевной компании и не обеспечение «в течение 16 месяцев живым руководством управления отрядов застав». В 1933-м С. Каруцкий арестовывался командованием на пять и трое суток за недостаточный контроль за работой подчинённых и за халатное отношение к некоему заданию полпредства ОГПУ по Средней Азии.

В том же 1933 г. Семён попался вместе со всем районным руководством, которое пьянствовало и транжирило государственные средства. За эти художества Каруцкого-младшего ненадолго выгнали из партии, но в «органах» благодаря покровительству брата он остался, дорос в ежовщину до помначальника Особого отдела Среднеазиатского военокруга и начальника отдела в Одесском облУНКВД, откуда и был уволен — «за невозможностью дальнейшего использования» — только в 1939 г., возможно, уцелев в бериевскую чистку [160].

Крупных чекистов периодически приглашали в Москву — поспрашивать за одним столом вместе с кремлёвскими небожителями. Михаил Шрейдер, характеризовавший Каруцкого в период его ташкентской работы как «всеобщего любимца, добряка и большого любителя выпить», в своих воспоминаниях приводит рассказ о том, как на одном из таких приёмов чекист с особенной охотой воздал должное горячительным напиткам, чем обратил на себя внимание члена Политбюро ЦК Лазаря Кагановича. Сталинский нарком бросил чекисту: «Ну что, Каруцкий, опять нахлестался?!» На это Василий Абрамович грубо оборвал известного своим хамством и жестокостью Кагановича: «А ты меня поил, что ли?», после чего долго возмущался и наскоком наркома («Он ещё будет считать, сколько я выпил!»), и укорявшими его за несдержанность коллегами («ж...лизы!») [161].

Голодный Казахстан

В августе 1931 г. Василию Каруцкому поручили возглавить «органы» в Казахстане. Эта республика также была приграничной и давала возможность Василию проворачивать любопытные дела за рубежом. Но и внутренняя обстановка там была острейшая — Казахстан сотрясали непрерывные крестьянские мятежи и восстания. К моменту его приезда в Алма-Ату в разгаре было подавление большого Мангышлакского восстания, против которого были брошены и войска ОГПУ, и регулярные воинские части. Повстанцев разгромили только к сентябрю, арестовав и осудив несколько сот человек.

Подавив уже не столь многочисленные, как в 1930 — начале 1931 гг., мятежи и раскрыв ласкающее слух московского начальства количество «контрреволюционных организаций», Каруцкий получил за всё про всё два ордена Красного Знамени (в декабре 1932 и ноябре 1934 гг.). Пока не очень понятно, за что конкретно Каруцкому достались за три года сразу два очень ценимых тогда высших боевых ордена — двойной комплект таких наград был предметом мечтаний для большинства коллег его уровня.

Как вспоминала вдова С. Н. Миронова, предшественником Каруцкого был полпред И. К. Даниловский, снятый (не позднее 27 августа 1931 г.) за контрабанду. Ближайший подчиненный Даниловского И. В. Хлебутин, начальник Административно-организационного управления полпредства, в марте 1932 г. был осуждён Коллегией ОГПУ по ст. 109, 169 и 58-7 УК на 10 лет лагерей за хищение, как отмечалось контролирующими инстанциями, «громких денежных сумм». (Несмотря на столь солидные размеры похищенного и грозную статью о контрреволюционном вредительстве, Хлебутина освободили уже в 1935 г. и четыре года спустя он, будучи беспартийным, спокойно трудился по «специальности» в политотделе Усольлага НКВД.)

В известном письме «Ко всем чекистам» зампред ОГПУ И. А. Акулов 27 июля 1932 г. констатировал многочисленные случаи злоупотреблений и прямых преступлений работников госбезопасности. Особо было отмечено «разложение» руководящих сотрудников полпредства ОГПУ по Казахстану, понёсших «суровую кару» [162].

Однако и у Каруцкого случались кадровые проблемы: в 1934 г. начальник милиции Карагандинской области Я. Б. Добриер был снят и отдан под суд за допущение массовых арестов, облав и длительного незаконного содержания под стражей «при изъятии социально-чуждого элемента в Петропавловске». 8 Начальник Восточно-Казахстанского облотдела ГПУ В. И. Окруй, известный своим рукоприкладством в отношении подчинённых, в декабре 1934 г. получил партвыговор совсем за другие излишества — получение мехов и охотничьих припасов на сумму свыше 400 руб. золотом [163]. А начальник Отдела спецпоселений Д. И. Литвин (бывший начальник управления лагерей ОГПУ по Дальне-Восточному краю) трагически погиб: 12 октября 1931 г. он стал жертвой авиакатастрофы в районе ст. Аягуз при возвращении из Алма-Аты в Акмолинск [164].

В целом Каруцкий справился с подбором команды, выдвинув чекистов, которые с его подачи серьёзно продвинулись по службе. При Каруцком с января 1932 г. по апрель 1933 г. начальником СПО полпредства работал старый казахстанский чекист Г. Н. Саенко, затем откомандированный в Архангельск. Саенко сменил проработавшего менее полугода В. Я. Шешкена, фигуру очень любопытную и, вероятно, не сработавшуюся с Василием Абрамовичем.

Вольдемар Шешкен родился в семье булочника-латыша и «курляндской польки», был рабочим на железной дороге, служил в российской армии, в июне 1917 г. дезертировал. В 1918 г. работал в Брянской федерации анархистов, публиковал статьи в «Вестнике анархии»; в августе 1918 г. при разгроме этой федерации скрылся в Орле. Пересмотрев взгляды, Шешкен начал сотрудничать в «Орловских известиях», которые редактировал будущий главный цензор СССР (начальник Главлита) Б.М. Волин. Затем служил в Красной Армии, был военным корреспондентом на Западном фронте. В 1921 г. вошёл в редакционно-издательскую коллегию Южбюро ЦК союза горнорабочих, был редактором ряда газет уездного масштаба, писал статьи, рассказы, песни, пьесы для рудничных театров.

Но уже в мае 1921 г. Шешкен был взят на службу в Особый отдел Киевского военного округа, а в сентябре того же года оказался в Москве, в штатах Секретного отдела ВЧК-ОГПУ, занимавшегося политическим сыском. Бывший литератор участвовал в агентурном наблюдении за М. Горьким и другими писателями, дослужившись до поста помощника начальника 5-го отделения Секретного отдела ОГПУ. Но в июле 1926 г. Шешкена убрали из Москвы и забросили в Бурят-Монголию, затем он работал в Томске и Карелии, а в 1929 г. прибыл в Казахстан [165].

В 1931–1934 гг. начальником Особого отдела в Казахстане работал В. В. Хворостян, ставший впоследствии наркомом внутренних дел Армении и в июне 1939 г. погибший в Бутырской тюрьме. Особист З. А. Волохов в 1932 г. был выдвинут на должность второго помощника начальника Особого отдела полпредства ОГПУ по Казахстану, а в 1933–1935 гг. работал помначальника Восточно-Казахстанского облотдела ОГПУ-НКВД (он тоже погиб под пытками в 1939-м). Летом 1933 г. начальником ЭКО полпредства стал бывший разведчик С. М. Вейзагер [166].

Каруцкий прибыл в уже успешно разорённую республику. Сельское хозяйство Казахстана в результате коллективизации было фактически уничтожено. В течение первой пятилетки удельный вес республики в производстве зерна по СССР упал с 9 до 3 %. А животноводство понесло и вовсе беспрецедентные потери: если в 1928 г. в республике было 6 млн голов крупного рогатого скота, то в 1932-м остался миллион. Из конского поголовья в 3,5 млн голов (на 1928 г.) было вырезано и пало 3,2 млн.

В спецсообщении от 25 октября 1933 г. Каруцкий сообщал на Лубянку, что если в 1929 г. в Казахстане насчитывалось 40,3 млн голов скота, то в 1930-м — 24,6 млн, в 1931-м — 10,6 млн, в 1932-м — 5,5 млн, а к осени 1933-го — всего 3,7 млн голов. В целом сокращение поголовья составило 91 %, а по кочевым и полукочевым районам — до 95 %. Каруцкий утверждал, что деятельность классово-враждебных элементов направлялась именно на разорение хозяйств: «в Чубартавском районе в результате деятельности членов контрреволюционной группировки из райработников во главе с секретарём РК ВКП (б) Кулубаевым... поголовье скота сократилось на 99,5 %» и если в 1931 г.

было 104 тыс. голов, то два года спустя осталось 540. В Сарысуйском районе также осталось всего несколько сот голов скота. До самого начала войны восстановить даже половину заготовок 1928 г. животноводству Казахстана не удалось.

В страхе сесть в тюрьму за «саботаж» крестьяне были вынуждены обменивать свой скот на зерно и сдавать его в счет заготовок. Потребление продуктов стало стремительно падать. Трагической для казахов стала борьба властей с кочевым и полукочевым образом жизни: в 1930 г. было переведено на оседлость 87 тыс. хозяйств, в 1933 г. — 242 тыс. Сотни семейств сгонялись в одно место, а затем из них организовывались стационарные посёлки по типу деревень. Всё это, само собой, сопровождалось насильственной коллективизацией. Колхозные фермы часто представляли собой участки степи, огороженные арканами, где скот стремительно погибал от бескормицы.

В конечном итоге строительство социалистического сельского хозяйства вылилось в трагедию голода 1932–1933 гг., от которого погибло около 2,1 млн человек из 6,2 млн жителей республики. Спасаясь от голода и репрессий, свыше миллиона казахов и уйгуров мигрировало за пределы Казахстана, из них порядка 200 тыс. ушли в Китай. Есть мнение (например, А. Иконникова), что эти цифры недостаточно подкреплены источниками, но даже если считать число жертв голода несколько преувеличенным, оно всё равно остаётся неимоверно высоким и даёт все основания говорить о страшной демографической катастрофе, постигшей Казахстан в начале тридцатых годов XX века.

По мнению чекистов, виновниками массовых откочёвок были «байско-националистические элементы». За первые полгода работы Каруцкого было вскрыто порядка десяти таких «байских контрреволюционных группировок, организовавших по всему краю откочёвочное движение», причём большинство из них возглавляли... районные и низовые ответственные «и даже отдельные партийные работники-националисты». Именно они-де организовывали перегибы, скрывали зерно, переселяли целые аулы и искусственно создавали голод.

По докладу Каруцкого бюро Казахского крайкома ВКП (б) 2 июля 1932 г. приняло постановление о борьбе с массовым голодом, которое в условиях отсутствия продовольствия не смогло переломить ситуацию. Глава республиканского ОГПУ должен был, по мнению остальных членов бюро крайкома, стать в центре разрешения последствий голода: Каруцкому поручалось срочно внести предложения и по борьбе с тифом, и по ликвидации детской беспризорности: он, уже будучи главой Центральной детской комиссии, вошел в состав ЧК по борьбе с эпидемическими заболеваниями [167].

Каруцкий и его подчинённые предпочитали действовать привычными для них методами.

Параллельно с истребительным голодом шли массовые репрессии. Только в 1929–1933 гг. областные тройки ОГПУ приговорили к расстрелу (по неполным данным) 3.386 казахстанцев и заключили в лагеря ещё 13.151 чел. Известно, что за 1930 г. тройки расстреляли 1.218 чел., а в 1931 г. — 1.001 чел. Таким образом, на 1929 г. (когда расстрелов наверняка было немного), 1932 и 1933 гг. приходится 1.167 расстрелянных во внесудебном порядке, хотя эта цифра, вероятно, занижена.

За один 1933 г. органами ОГПУ Казахстана было арестовано свыше 21 тыс. человек. Особенным цинизмом на фоне чудовищного мора выделялся печально знаменитый указ от 7 августа 1932 г. — так называемый «закон о колосках». За покушения на социалистическую собственность только за 1932 г. в Казахстане было осуждено 33.345 чел. Значительную долю осужденных за подобные «преступления» составили дети и подростки [168].

Территория Казахстана была определена сталинским руководством и как место «кулацкой ссылки» для десятков тысяч крестьян из России, Украины и других республик. Только за 1931 г. в Казахстане было расселено 182 тыс. раскулаченных, из которых 97 % составляли депортированные из других регионов страны. В 1932–1933 гг. в спецпоселениях республики умер 55.441 ссыльный; в течение 1933 г. в Северном Казахстане умерло в 19 раз больше ссыльных, чем родилось [169]. Начало 30-х годов также стало периодом формирования огромной империи ГУЛАГа в Казахстане — развертывания на территории нынешних Карагандинской, Кустанайской, Семипалатинской и других областей больших концентрационных лагерей для заключённых со всего СССР.

Расстреляны на месте

Ответом на жестокости властей были массовые выступления и восстания: в 1929–1931 гг. в Казахстане их произошло 372 с числом участников более 80 тысяч. Особенно заметными очагами недовольства были Семипалатинский и Алма-Атинский округа, Адаевская степь. Участников антисоветских вооруженных выступлений работники ОГПУ десятками и сотнями расстреливали без суда и следствия. Одно из характерных дел такого рода расследовалось как раз при новом полпреде.

По приказу начальника Шетского районного отдела ОГПУ (относившегося к Карагандинскому оперсектору) Н. Сычёва 5 июня 1931 г. были расстреляны на месте восемь бежавших арестованных — «как не поддавшиеся поимке». Беглецы в одном нижнем белье, разломав потолок, сумели убежать из-под стражи и в 4-м ауле Каркаралинского района попросились на ночлег. Их приняли, накормили и уложили спать. А ночью повязали, избивали до полусмерти и сообщили об этом поисковой группе. В группу входили А. Пучков — фельдъегерь райотдела ОГПУ, Бирюков — секретарь комсомольской ячейки села Белогрудовка, Б. Нагизбаев — прокурор района, и ряд других лиц. Полуживых беглецов погрузили на телегу и вывезли за аул, где они были

расстреляны Пучковым. «После расстрела беглецов, — показывал один из участников казни, — мы поехали в Четский район. Там уполномоченный ОГПУ Сычѐв дал нам указание говорить, что беглецы убиты во время перестрелки. Причем при отправлении нас на розыск беглецов дал распоряжение не привозить их живыми».

Начальник Карагандинского оперсектора ОГПУ Михайлов велел своему заместителю, начальнику СПО Плескачу, расследовать это дело: дескать, не могло быть такого, чтобы нельзя было никого задержать. Но неожиданно при допросах причастных к расправе чекистов стали выясняться и другие подобные факты. Например, той же весной члены коммунистических отрядов без суда и следствия расстреляли 27 чел. Сычѐв же заявил: «Мои действия нисколько не противоречат всем имеющимся указаниям и директивам Семипалатинского оперсектора и ПП ОГПУ в КАССР, от коих и ни одной пяди не отступил».

Участник расстрела райпрокурор Нагизбаев на вопрос: «Знали ли Вы, что незаконное дело совершили?» ответил буквально следующее: «Считал это в порядке вещей, так как во время восстания... расстреливали арестованных без суда и следствия. Я знаю пять таких случаев, где расстреляны были 16 человек в апреле 1931 года». Так в орбиту внимания следователей вовлекались всё новые и новые участники незаконных расстрелов во время подавления так называемого Шетского восстания весной 1931 г.

В период этого мятежа Каркаралинский горрайотдел ОГПУ получил агентурное сообщения о том, что в ауле № 10 появились скрывавшиеся от преследований повстанцы. Для их поимки была сформирована группа, в которую вошли начальник горрайотдела Инте, его помощники Косубаев, Шайхутдинов, фельдъегерь Стамкулов и другие. Пойманных восемь человек Инте и его подчиненные, будучи пьяными, избивали всю ночь, а на рассвете расстреляли. Об изложенном факте узнал полпред ОГПУ в Казахстане Даниловский, который сначала отчитал чекистов за незаконный расстрел. Но когда Инте показал ему имеющееся на расстрелянных участников вооружённых выступлений следственное дело, полпред полностью согласился с организатором расправы.

Сычѐв в подробностях рассказал об обстоятельствах расстрела в 20-х числах марта 1931 г. начальником отряда Чупиным мирного населения в одном из аулов Абралинского района, где участники восстания захватили трех фельдъегерей районного ОГПУ, которых раздели донага и привязали к столбам. Чупин, заняв аул, собрал всё оставшееся в ауле население, которое не ушло с повстанческим отрядом (около 70 чел.), выстроил и расстрелял из пулемѐта.

Похожая кровавая история случилась после подавления восстания в Шубартауском районе в конце марта 1931 г. Начальник отряда Иерусалимов с бойцами остановился в одном из аулов, где один отрядник вскоре изнасиловал жительницу аула, а мужа жертвы, недолго думая, застрелил из винтовки. На выстрел прибежали соседи, которые забили насильника дубинами. Иерусалимову собравшиеся жители аула объяснили ситуацию и заявили, что

необходимо назначить расследование, наказав виновных в убийстве отрядника. Но начальник отряда не стал разбираться и приказал открыть огонь по собравшимся. В результате погибли 27 чел., в том числе женщины и дети. Об этом случае Иерусалимов донес в ОГПУ, как о расстреле банды, за что был награждён Каркаралинским райисполкомом именным наганом.

Активность Сычева по разоблачению преступных действий своих коллег, естественно, не устраивала его следователей. Начальник оперсектора Михайлов заявил: «Ты, Сычёв, дело Четского района возьми на себя, а мы тебе дадим хорошую характеристику, тебя хотя и осудят, но всё же ты будешь человеком, мы тебя привлечём только одного». Сычев отказывался, за что ему угрожали расстрелом. Он неоднократно заявлял своим следователям, чтобы те приобщили к его следственному делу директивы вышестоящих работников ОГПУ, но не смог этого добиться.

Однако когда следователь из Алма-Аты Торопин доложил о деле Сычева временно исполняющему обязанности полпреда С. Н. Миронову-Королю, тот проявил интерес к директивам. В начале февраля 1932 г. от начальника Семипалатинского оперсектора ОГПУ С. А. Бака затребовали копии директив, которые через неделю уже были доставлены в Алма-Ату. Каруцкий внимательно просмотрел служебную записку Бака и прилагаемые к ней копии директив на 26 листах. Бак постарался составить объяснение таким образом, чтобы нейтрализовать заявления Сычёва по поводу директив. Он указывал, что банддвижение в Шетском районе получило свое проявление к моменту, когда массовые выступления в других районах в основном были ликвидированы. Поэтому Сычёв из всех директив по ликвидации банддвижения получил лишь некоторые.

«Указаний и установок, — пишет далее Бак, — подобным тем, что излагает Сычёв («в плен бандитов не брать, так как их негде содержать»), Семипалатинский оперсектор ни одному из райаппаратов не давал». Наоборот, отмечает Бак, «во всех своих директивах я подчеркивал необходимость сугубо осторожного подхода к ликвидации массовых выступлений, имея в виду значительное количество участников из числа бедняков и середняков, выступивших под влиянием провокационной деятельности байства».

Выводя из-под удара действия Семипалатинского оперсектора, Бак переложил ответственность на одного из работников аппарата полпредства ОГПУ — бывшего начальника Особого отдела Белоногова, в директивах которого были допущены фразы вроде «уничтожить банды» и т. п. Цель была достигнута — полпред Каруцкий, просмотрев копии директив, не нашел в них ничего компрометирующего. И он, и его заместитель Миронов-Король не стал тратить своё время на аудиенцию с Сычевым, который в итоге стал козлом отпущения.

В апреле 1932 г. выездная сессия Коллегии ОГПУ во главе с самим особоуполномоченным ОГПУ СССР В. Д. Фельдманом осудила Николая Сычёва к расстрелу, с заменой на десять лет концлагеря. Непосредственный

исполнитель расстрела казахов Пучков получил два года. Любопытно, что Сычёва не освободили вскоре после осуждения, как поступали с большинством провинившихся чекистов. Он сидел ещё и в 1940-м... [170]

Отрицатель «контрреволюционных организаций»

Прибыв в январе 1935 г. в Новосибирск, Каруцкий не стал особенно перетряхивать кадры и удовлетворился кандидатурой заместителя своего предшественника — Михаилом Волковым-Вайнером. Также он оставил на своём посту главу Секретно-политического отдела управления НКВД Ивана Жабрева. С собой из Алма-Аты Каруцкий захватил Сигизмунда Вейзагера, сделав его начальником Экономотдела и одновременно помощником по УНКВД. Вейзагер ранее работал в Средней Азии и одно время исполнял обязанности резидента внешней разведки под видом генконсула СССР в афганском городе Мазари-Шарифе. Вспомнил Каруцкий и о своём младшем коллеге по Иркутску и Владивостоку Константине Циунчике, поручив ему Оперативный отдел, ведавший обысками, арестами и агентами наружного наблюдения («топтунами»).

В окружении Каруцкого можно отметить менее значительные, но колоритные фигуры, вроде Константина Жукова, который в конце 1920-х годов возглавлял Контрразведывательный (КРО) и Восточный отделы ГПУ Азербайджана. Этот чекист был осыпан наградами, включая орден Красного Знамени, но в феврале 1929 г. его вместе с другими ответработниками ГПУ арестовали в Баку за соучастие в незаконном расстреле арестованного рабочего.

История была громкая, но наказания умеренные: для Жукова всё закончилось полугодовой отсидкой в Бутырской тюрьме, осуждением на два года концлагеря и мгновенным досрочным освобождением. Уже в июле 1929 г. Жуков стал уполномоченным, а затем и начальником информационно-следственного отделения Северного концлагеря ОГПУ в Архангельске. Затем его перебросили в Казахстан, где Каруцкий сделал проштрафившегося чекиста начальником республиканского Отдела спецпоселений. По ходатайству Серго Орджоникидзе и Генриха Ягоды Жукова восстановили в партии, а в конце 1935 г. Каруцкий перевёл его в Новосибирск и назначил замначальника краевого управления лагерей, колоний, трудпоселений и мест заключения [171] .

УНКВД по Западно-Сибирскому краю Василий Абрамович возглавлял с января 1935 по июль 1936 г. Как раз к его приезду край сильно поджали, отделив территорию современной Омской области и внушительный кусок с Минусинском, Ачинском и Абаканом, ставшим юго-западной частью вновь образованного Красноярского края. На меньшей территории, включавшей современные Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области и Алтайский край, Каруцкий и действовал с заметно меньшим размахом, нежели его опальный предшественник Николай Алексеев. В его подчинении находилось не меньше тысячи оперативников (на июль 1936 г. только в Новосибирске в аппарате УНКВД насчитывалось 540 коммунистов, в Межкраевой школе НКВД

— 180), которые в течение 1935 г. арестовали более 2.000 человек, в основном за антисоветскую агитацию. За анекдоты или матерные частушки о вождях тогда обычно давали небольшие сроки — до трех-пяти лет. Огромных дел на «повстанческие организации» при Каруцком не фабриковали.

И Василий Каруцкий, и его заместитель (с осени 1935 г.) Анс Залпетер, что называется, знали норму. Если прежний руководитель ОГПУ-НКВД Запсибкрая Алексеев в период острой борьбы сталинцев с глубоким кризисом экономики, виновниками которого были объявлены представители враждебных классов и прослоек, изо всех сил разоблачал масштабные «антисоветские группы» всех мастей, то сменщики Алексеева ограничивались тем необходимым минимумом, который устраивал руководство в Москве. Они полагали, что после кровавой работы периода коллективизации уже не нужно так сильно усердствовать: несколько сравнительно крупных и средних вредительско-диверсионных группировок, побольше мелких антисоветских группок, немножко шпионов-террористов и тысячу-другую саботажников, анекдотчиков и «антисоветчиков-одиночек» — вот и готов вполне подходящий годовой результат для огромного края.

Один из подчинённых Каруцкого — Серафим Попов — в своих показаниях так и заявил: «Если при Алексееве как из рога изобилия сыпались фальсифицированные следственные дела о различных контрреволюционных группах и организациях, то Каруцкий же занял позицию полного отрицания возможности существования вообще каких-либо контрреволюционных организаций в Сибири» и ограничивал следователей указаниями превращать масштабные «организации» (в существовании коих Попов был уверен) в небольшие группы [172].

Группировки «вредителей», «диверсантов», «шпионов» и «террористов» фабриковались, как всегда, с помощью агентуры. Некоторые местные сексоты сыграли крупную роль в подготовке самых громких политических процессов. Так, агентом начальника Прокопьевского горотдела НКВД И. В. Овчинникова был приехавший из США В. В. Арнольд, заведующий гаражом одного из рудоуправлений. В 1936 г. Арнольд использовался при подготовке процесса над Г. Пятаковым, К. Радеком, Г. Сокольниковым, Н. Мураловым и был осуждён вместе с ними.

Особую роль чекисты обращали на вербовку осведомления среди учащихся. 20-летний белорус А. Г. Новаш в конце 1932 г. перешёл польско-советскую границу и в январе — августе следующего года находился в Саровских лагерях ОГПУ как перебежчик. С сентября 1933 г. он — студент Сибстрина в Новосибирске, тогда же стал сексотом. Когда «органам» потребовалось слепить дело на студентов-«антисоветчиков», Новаша в феврале 1936 г. арестовали и дали 10 лет заключения. Он жаловался трибуналу на то, что его искусственно сделали врагом, ибо органы НКВД дали Новашу задание «вести себя так, как будто бы он недоволен советской властью» и таким путём выявлять враждебно

настроенных лиц. В 1937 г. тройка УНКВД по ДВК расстреляла заключённого Новаша [173].

Часть агентуры постоянно разоблачали как провокаторов или «двурушников», часть — ловили на попытках извлекать материальную выгоду. Например Б. С. Фленов, старший налоговый инспектор 4-го участка г. Новосибирска и одновременно сексот УГБ УНКВД, в 1936 г. был осуждён за то, что, получая взятки, снижал подоходный налог, взимаемый с кустарей и нетрудовых элементов [174].

Сибирские шпионы

Местные внесудебные органы отсутствовали (за исключением созданной по директиве НКВД СССР от 27 мая 1935 г. милицейской тройки, имевшей право рассматривать дела только на уголовный и «социально-вредный» элемент и заключать на срок не свыше пяти лет), так что если при Заковском и Алексееве тысячи людей легко пропускали через тройку при полпредстве ОГПУ, то Каруцкий должен был достаточно тщательно готовить самые громкие дела для Военной коллегии Верховного Суда СССР, а менее важные — поручать спецколлегии краевого суда, в которой заседали бывшие чекисты.

Полтора года его деятельности оказались самыми мягкими за последние пять-шесть лет. Всего в крае за 1935 г. было осуждено нарсудами 45.407 чел. Что касается «политических» дел, то по системе УГБ в течение 1935 г. был привлечён к уголовной ответственности 1.881 «контрреволюционер. В среднем по каждому делу привлекали два-три человека (всего 714 дел). В это количество не включены осуждённые военными трибуналами и Особым совещанием при НКВД СССР за шпионаж и террор — их было не так чтобы много, в пределах 10 % от общего числа. Основная часть «политических» — 1.332 чел. — привлекалась за антисоветскую агитацию и пропаганду. На 10 мая 1936 г. отделы управления НКВД имели в производстве 65 дел на 253 чел., 32 % которых провели под стражей более двух разрешённых УК для расследования месяцев.

По оценке краевой прокуратуры, во втором полугодии 1935-го и первом квартале 1936 г. число «контрреволюционных» преступлений снижалось, но осуждённых становилось больше из-за долгого расследования очень многих дел, рассмотрение которых пришлось на первые месяцы 1936 г. В основном было покончено с практикой сезонных кампаний, когда в период посевной и уборочной страды осуждалось особенно большое количество «саботажников» и «вредителей».

В июне 1936 г. прокурор И. И. Барков представил в крайком и крайисполком следующую отчётность: с 20 декабря 1935 г. по 20 марта 1936 г. нарсудами было осуждено по ст. 58 УК 2.188 чел. Согласно данным УНКВД, с 20 декабря 1935-го по 20 апреля 1936 г. было расследовано более 1.100 «контрреволюционных» дел на 2.470 чел. (по мнению Баркова, чекисты заметно

занизили эти цифры), причём самым НКВД были прекращены многие дела и освобождено 9,5 % привлечённых. Из оставшихся дел прокуратура прекратила следствие ещё на 6,7 % арестованных.

В первом квартале 1936 г. прокуроры ещё взыскательнее подошли к делам УГБ, возвратив 24,3 % их на следствие и 7 % — прекратив совершенно. Дела об антисоветской агитации, вредительстве и саботаже фабриковались настолько топорно, что даже беспощадная сталинская юстиция была вынуждена поправлять чекистов. Особенно хорошо это видно на тех делах, которые считались особо важными и подлежали рассмотрению военной юстиции — шпионских и террористических [175].

Так, с января по сентябрь 1935 г. военные трибуналы края имели в стадии следствия 82 дела по статьям, каравшим: за измену родине (4 дела), шпионаж (22), террор (40) и диверсии (16). Из этого количества 39 % (то есть 32 дела) были забракованы как абсолютно фальсифицированные. Особенно строго юристы отнеслись к делам о шпионаже — из 22 они согласились с наличием состава преступления лишь в восьми. В качестве примера можно привести одно из вынужденно прекращённых дел, которое было тайно заведено чекистами ЭКО УНКВД 9 сентября 1934 г., получив номер 4699 и кодовое имя «Клубок». В марте 1935 г. проходившие по нему «шпионы» Пелевин, Мамаев и Червов были арестованы по ст. 58-6 УК, но в августе того же года освобождены за отсутствием состава преступления.

Из 40 дел по террору осталось 25 — половина из них относилась к расправам «кулаков» над представителями власти и активистами (ими было убито 11 работников сельсоветов, рабселькоров и активистов, а семеро — ранено). Всего за три квартала 1935 г. военный трибунал СибВО осудил 95 чел., в том числе 35 — к расстрелу. Десятеро смертников были затем помилованы вышестоящими инстанциями.

О «качестве» тех шпионских дел, которые всё же устроили военную юстицию, наглядно говорит даже самое краткое их изложение. Так, «кулак-извозчик» Я. Ф. Малых до марта 1935 г. возил одного дипломата, от которого получил задание за 500 руб. (две-три тогдашних зарплаты) купить план новосибирского завода горного оборудования, как тогда назывался будущий авиазавод им. В. П. Чкалова. Малых, в свою очередь, с помощью своего отца за 100 руб. завербовал участкового инспектора Кузьму Колыша, который затем устроился на завод и взял у копировщицы Ивановой часть чертежей, заявив, что они ему нужны по службе. Потом чертежи, которые он Малых не показал, Колыш вернул. Несмотря на отсутствие какого-либо реального ущерба, Колыш, а вместе с ним Яков и Фёдор Малых были расстреляны.

Китаец Ту Тянь Чен в 1932 г. нелегально прибыл в СССР из Маньчжурии и был выслан в Тарский округ. Полтора года спустя он бежал оттуда в Павлодар, а затем перебрался в Новосибирск, где в сентябре 1935 г. был арестован как шпион у военного городка во время попытки заговорить с красноармейцем. В

ноябре он получил за шпионаж и побег из ссылки 10 лет заключения и был реабилитирован только в 1997 г [176].

Другое дело сфабриковали на корейцев, имевших неосторожность открыть парикмахерскую рядом с «Сибметаллстроем» — строящимся заводом по производству боеприпасов. Де Дон Хан, Ким Дя Хва и «провокатор японской жандармерии» Моисей Магай оказались японской шпионской группой, следившей за перевозками военных грузов и производством на «Сибметаллстрое», а также сообщавшей о политических настроениях новосибирцев. Также в Новосибирске арестовали троих горожан за подготовку побега за границу. «Японофильская агитация» и «шпионаж» были вскрыты в Бийске, где арестовали Журавлёва, Вечтомова и Ретивцева.

Бухгалтера «Запсибкрайснабосоавиахима» А. Ф. Косых, ранее жившего в Маньчжурии, арестовали в январе 1935 г. За «шпионаж в пользу японской разведки» по ст. 58-1 «а» и 58–11 УК Военной коллегией Верховного суда СССР 22 июня 1935 г. он был осуждён к расстрелу. Александр Косых обвинялся в том, что во время жительство в Харбине он давал японским властям сведения о советских гражданах. Например, в 1929 г. выдал совграждан И. А. Пустовойтова, А. П. Синицына и Аксёнова, которые скрывались в китайской фанзе Старого Харбина в связи с убийством известного полицейского чиновника Гиацинтова. А в 1932 г. вместе с братом Николаем выдал японцам совграждан Николая и Александра Кононовых, подозревавшихся в устройстве крушения японского воинского эшелона на перегоне Чангауз — Старый Харбин [177].

Домохозяйка Надежда Косых (вероятно, жена) получила пять лет лагерей за недонесение. Три недели спустя после ареста Александра Косых взяли его брата Николая, коменданта рабфака НКПС. Н. Ф. Косых был осуждён Военной коллегией 27 июня 1935 г. к высшей мере наказания за участие в шпионской группе — вместе с арестованным 19 февраля пилотом агитотряда Крайсосоавиахима В. В. Кирилловым. Все эти «шпионы» в мае 1993 г. были реабилитированы.

Чтобы подоплёка этого дела была чуть ясней, кратко обрисую ситуацию на Китайско-Восточной железной дороге, которая резко обострилась в конце 20-х годов из-за попыток китайской стороны захватить управление дорогой и собственность КВЖД. В июле 1929 г. китайские власти объявили об увольнении советской администрации дороги и демонстративно выслали её из страны. Просоветские профсоюзы призвали к забастовкам, в начале августа 1929 г. две трети советских граждан оставили службу на КВЖД. В Харбине было введено чрезвычайное положение, советских хватали сотнями и депортировали из Китая. Было убито 56 советских граждан. К началу октября в Сумбэйском концлагере под Харбином содержались 1.300 чел., затем было арестовано ещё 800. Китайская сторона оправдывала массовые аресты саботажем и вредительством. А 17 ноября части ОКДВА перешли границу; в итоге к 22 декабря конфликт был урегулирован «Хабаровским протоколом».

Насчёт саботажа и вредительства китайцы особенно не преувеличивали: советские власти успели создать мощную агентуру в Маньчжурии и в ходе конфликта с Китаем пустили её в дело. Часть русской молодёжи сочувствовала большевикам и откликнулась на призывы к вооружённой борьбе с «белокитайцами». Конспиративные комсомольские ячейки, организованные в пятёрки и десятки, устраивали забастовки, диверсии, убийства полицейских и их агентов. Острые террора было направлено против полицейских русского происхождения. Осенью 1929 г. в Харбине был убит надзиратель железнодорожного розыска Н. М. Гиацинтов, совершена попытка покушения на агента розыска П. П. Шишкина (в воспоминаниях 1960 г. «Красные гимназисты» тогдашний комсомолец Н. И. Куренков именуется Гиацинтова полковником и утверждает, что Шишкин был смертельно ранен).

Китайская пресса сообщала, что молодой террорист Мерцалов бросил бомбу в паровоз на Интендантском разъезде, в результате чего оказались убиты машинист Васильев, его помощник и кочегар. Вместе с Мерцаловым, бывшим студентом-третьекурсником, китайцами была арестована его группа, состоявшая из комсомольцев и бывших красноармейцев. Аресты охватили более 25 чел., при обысках полиция обнаружила оружие, динамит и детонаторы. На допросах Мерцалов дал подробные показания о мотивах своих преступлений, заявив о том, что подготавливал и взрыв виадук. Китайская полиция также обвиняла Мерцалова в участии в группе террористов, взорвавших поезд близ станции Пограничная на закрытом разъезде Широкая Падь.

В харбинских газетах появлялась информация о многочисленных арестах большевистских агентов и их сторонников, которых местные органы власти отправляли — в печальном соответствии с совдеповской практикой — в Сумбэйский и другие концлагеря, где арестованных подвергали пыткам и издевательствам. Жертвами китайских властей стали многие харбинские комсомольцы: погибли в тюрьме секретарь областного комитета Григорий Струков, Вл. Мурзаков, П. Сулов, П. Боровинский, Третьяк, Мельников, Усов и другие, а труп Кульбаченко был обнаружен на кладбище с отрубленной головой [178].

Террористические акции планировались чекистами и в 30-е годы. Так, сотрудник-инженер КВЖД М. Э. Медзыховский в начале 1930-х гг. получил задание взорвать мост через Сунгари, который сам и строил, будучи привлечён к этому делу работниками КВЖД Малиновым и Васильевым (возможно, это псевдонимы). Но японцы, в свою очередь, оказались предупреждены об этом теракте неким русским охранником моста Кузнецовым, поэтому Медзыховскому в опасении ареста пришлось срочно покинуть Маньчжурию. В 1933 г. он случайно встретил в Москве Малинова с Васильевым, которые работали тогда в аппарате ГУЛАГа ОГПУ... [179]

Вредители, диверсанты, саботажники

Люди Каруцкого преследовали не только шпионов и диверсантов, но были также на страже социалистической собственности. С 1 августа 1935 г. по 1 марта 1936 г. только в системе «Заготзерно» было вскрыто и ликвидировано 50 «хищнических» групп (осуждено по ним 383 чел.), а ещё 35 человек оказались осуждены по одиночным делам. Борьбу с бесчисленными расхитителями и вредителями были призваны оттенять политические процессы над хозяйственными руководителями.

Благодарным местом для приложения чекистских усилий являлся Кузбасс, где пренебрежение к охране труда выливалось в устрашающую статистику происшествий: за 1934 г. по Кузбассу зафиксировано свыше 17 тыс. несчастных случаев, в том числе 192 со смертельным исходом, а за первый квартал 1935 г. — более 4 тыс. травм и 49 смертей. Особенно опасными были две шахты в Анжеро-Судженске, имевшие номера 1–6 и 9–15. Масса несчастных случаев происходила из-за того, что лавы крепились сырым и неошкуренным лесом, который под землёй стремительно сгнивал. Постоянные аресты специалистов исправно терроризировали оставшихся на свободе, но количество происшествий не уменьшалось.

Среди проведённых Каруцким крупных процессов были и «диверсионные», и «шпионские». 10 человек осудили за создание в феврале 1935 г. «диверсионной группы» на Киселёвском руднике: трое из них пошли под расстрел за попытку поджечь магазин, чтобы-де вызвать возмущение рабочих срывом снабжения. Пятерых человек осудили (на срок от двух до 10 лет) за диверсии на Беловском цинковом заводе: дескать, неправильно составили шихту, сожгли электромотор, а плавильную печь хотели взорвать динамитом... В феврале-марте 1936 г. было арестовано десять «вредителей» в области рудничного транспорта — начиная от начальника транспортного отдела Кузбассугля М. Кондрова и ниже. 11 апреля 1936 г. бюро крайкома ВКП(б) по докладу Каруцкого «о внутрикопейском транспорте Кузбасса» постановило широко осветить ход судебного процесса в Прокопьевске над «вредительско-саботажнической группой работников транспорта Кузбассугля».

Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР 29 марта 1936 г. в Новосибирске рассмотрела 28-томное дело руководителей Томской железной дороги, которые обвинялись в том, что были завербованы для шпионской и диверсионной работы «агентами одной иностранной разведки». Заместитель начальника службы пути К. К. Ключков, начальники отделов службы пути М. Э. Медзыховский (тот самый незадачливый «подрывник» моста через Сунгари) и В. Ю. Мариенгоф оговорили себя и других, но жизни не вымолили и были приговорены к расстрелу. Ещё пять человек оказались отправлены в лагерь. Один из рядовых участников «организации» дорожный мастер Ф. М. Сайчук в период реабилитации показал, что начальник отделения ДТО Григорий Вяткин «принудил меня признать это и подписал я обвинение после того как он мне пистолетом или, точнее, наганом выбил зубы» [180].

Тогда же в Новосибирском молмясотресте была разоблачена «антисоветская группировка» из шести человек во главе с самим директором треста. В июле 1936 г. за антисоветскую пропаганду осудили трёх новосибирских литераторов (одновременно же был освобождён «ввиду его болезни — паралича левой половины тела и старческого слабоумия») арестованный тремя месяцами ранее отбывавший ссылку в Томске поэт Н. А. Клюев, привлечённый как участник «церковной контрреволюционной группировки» [181] .

Много хлопот доставляли школьники, часть явных политических преступлений которых чекистам приходилось, скрепя сердце, переквалифицировать в итоге на статью о хулиганстве. Вот примеры только по Барнаулу. Ученик 7-го класса школы № 22 Г. П. Кольцов, разорвавший осенью 1935 г. перед группой учащихся портрет Ленина, был арестован чекистами и привлечён по ст. 74 УК, каравшей за хулиганство. В январе 1936 г. была арестована ученица 10-й барнаульской школы Киселёва (дочь учительницы), которая в течение последней недели 1935 г. распространяла в школе «контрреволюционный нелегальный» журнал «Не сдадимся».

В том же январе 1936 г. к судебной ответственности были привлечены ученики 2-й неполной средней школы братья Александр и Иван Репины: 17-летний Александр — за порчу портретов вождей, а ученик 4-го класса Иван — за попытку сорвать траурное заседание памяти Ленина, с которого по его громкому призыву убежало более 15 учеников. В конце 1936 г. горотдел НКВД вёл расследование по делам учащихся школы № 5 Карпова и Неразик, изорвавших сталинский портрет [182] .

В середине 30-х годов продолжались внесудебные репрессии против крестьянства, хотя и более скромных масштабах. В 1935 г. партийные власти края добились от Москвы разрешения выслать в северные районы около тысячи семей «единоличников, саботирующих сев» и замеченных в «саботаже хлебосдачи»: в мае выслали 2.615 человек, примерно столько же — в октябре. Тогда же в Нарым были высланы сотни евангельских христиан. В начале 1936 г. из Горного Алтая было выселено в Казахстан свыше 300 «байско-кулацких и бандитских семей».

Фабриковались и политические дела против ссыльных. По распоряжению руководства НКВД (как показал на следствии бывший начальник СПО И. А. Жабрев) замначальника ЭКО Д. Д. Гречухин организовал провокацию среди спецпереселенцев в Прокопьевске: с помощью «ввода официального сотрудника активизировал... локальные группы» и так добился вскрытия крупной «контрреволюционной организации» [183] .

Но по сравнению с делами Алексеева всё это и в самом деле выглядело относительно скромно. Отметим, что в начале 1935 г. Каруцкий вполне разумно ходатайствовал перед Ягодой о том, что нарымских ссыльных крестьян, чьи посевы осенью пострадали от заморозков, нужно полностью освободить от сельхозналога и госпоставок зерна и картофеля, иначе хозяйство неокрепших

«неуставных артелей» будет совсем подорвано. Руководство ГУЛАГа в основном поддержало Каруцкого, направив в правительство просьбу освободить нарымчан от сельхозналога и госпоставок картофеля [184].

«У колхозников глаза собачьи»

В Новосибирске, в результате закрытия церквей, постоянных арестов и высылки, среди местной религиозной общины насчитывалось много нищих и юродивых, среди которых выделялся бывший епископ Е. Н. Лапин, который нищенствовал в течение ряда лет. А дьякон Покровской церкви А. А. Топорков считался монашками из своего окружения святым и, когда он заходил в церковь, ему омывали ноги, чтобы потом раздать эту воду верующим как целебную.

Постоянно власти получали известия о появлении в том или ином районе так называемых «святых писем». В ходе разработки агентурного дела «Последователи» в 1936–1937 гг. чекистами Болотнинского района ЗСК было выяснено, что в двух школах Болотного были найдены религиозные листовки, а дочь баптистского проповедника В. С. Попиначенко в школе отказалась петь «Интернационал» [185].

О том, как баптисты могли выступать в деревне в качестве центра антиколхозной оппозиции, наглядно свидетельствуют материалы процесса над группой верующих с. Тяхта Кытмановского района Западно-Сибирского края, прошедшего в сентябре 1935 г. На скамье подсудимых оказались баптисты Т. М. Петренко, А. К. Кавешников и С. Г. Черков. Все трое — единоличники, в прошлом зажиточные крестьяне, обвинялись в антисоветской агитации, невыполнении обязательств перед государством, отказе от уплаты налогов и невыполнении хлебозаготовок. Руководитель группы, состоявшей из 12 братьев и 5 сестер, Т. М. Петренко ходил с Евангелием по домам колхозников, проповедовал, причем в ходе проповедей неоднократно заявлял, что колхозы развалятся, на их месте возродятся религиозные общины, «не будет их [колхозов] и также не будет и советской власти».

Но самым большим преступлением, с точки зрения властей, было то, что ряд крестьян стал поступать по примеру баптистов. Жившие с ними на одном участке 12 домохозяев отказались производить платежи в пользу государства, в результате чего «сельсовет уборочную сорвал, хлебопоставки не выполняет по колхозам, а единоличный сектор совсем ничего не выполняет, получают массовые невыходы на работу колхозников и сам выход из колхозов».

На суде Петренко отважно заявил: «Я борец с советской властью и с бандитами советской власти, работники все соввласти — самозванцы, которых не выбирают, а они сами поступают и лезут со свиным рылом в советский огород... У колхозников глаза собачьи». Петренко был осужден к 5 годам ссылки с конфискацией имущества, Кавешников — к 2 годам лишения свободы и Черков — к году исправительно-трудовых работ. А в марте 1936 г. выездной

сессией краевого суда Петренко был повторно осуждён за антисоветскую агитацию на 5 лет тюрьмы [186].

Расцвет Сиблага

В отличие от восточносибирских гигантов империи ГУЛАГа Сиблаг был сравнительно небольшим лагерем, численность заключённых в котором в середине 1930-х не превышала 70 тыс. человек, а потом из года в год сокращалась в связи с административными изменениями, которые сопровождались дроблением Запсибкрая и выделением из него новых краёв и областей. Большая часть арестантов работала в сельскохозяйственных отделениях, остальные добывали уголь в Кузбассе и валили лес в Нарыме. В 1934–1936 гг. Сиблагом руководил старый чекист М. М. Чунтонов.

Режим содержания был крайне жестоким, а смертность — очень высокой, поскольку Сиблаг фактически являлся инвалидным лагерем: потерявших трудоспособность эков везли с севера умирать в сельскохозяйственные командировки, где наличие дополнительных возможностей подкормиться и несколько более лёгкие условия труда далеко не всегда могли спасти полуживых пеллагрозников. На 1 января 1936 г. Сиблаг насчитывал в своих 22 лагпунктах 69 тыс. заключённых, из которых 45 % учитывались как крестьяне, 14 % — рабочие, а 22 % (15,3 тыс. чел.) — как деклассированные элементы. Среди остальных были кустари, служащие, учащиеся, военные; например, 307 чел. относились к профессорско-преподавательскому составу, 269 — к служителям культа, 87 — к бывшим советским начальникам.

Большая часть заключённых имела трёхлетние сроки — 21 тыс. На пять лет было осуждено 15,3 тыс., на восемь лет — 2,7 тыс., десять — 14,9 тыс. чел. За «контрреволюционные преступления» отбывала наказание основная часть осуждённых — 11,9 тыс. Вторая по массовости категория осуждённых относилась к так называемому «социально-вредному элементу» — 11,5 тыс. Затем шли наказанные за имущественные преступления — 10,4 тыс., по указу от 7 августа 1932 г. («о колосках») — 10 тыс., за должностные преступления — 5,8 тыс., за преступления против порядка управления — 5,6 тыс. и за нарушения правил всеобщей паспортизации — 4,1 тыс. Отдельно считали шпионов — целых 1.527 чел. Совершивших преступления против личности содержалось 3 тыс., бандитов — 2,4 тыс., валютчиков — 1,6 тыс., фальшивомонетчиков — 111 чел.

Несовершеннолетних узников Сиблага насчитывалось 1.057, в возрасте от 18 до 21 года — 9.951, от 22 до 25 лет — 11.538, от 26 до 36 лет — 14.244, от 37 до 40 лет — 16.672, от 41 до 50 лет — 11.682, от 51 до 60 лет — 3.562, старше 60 лет — 251. Таким образом, старше 40 лет было только 15,5 тыс. заключённых, или пятая часть от общего числа. Побег из Сиблага были массовыми: так, за май — сентябрь 1935 г. сбежало 3.242 узника.

При Каруцком также начало действовать отделение крайсуда при Сиблага, которое обслуживало 22 лагпункта в Западной Сибири и Красноярском крае, а также один лагпункт в Восточном Казахстане. Всего, таким образом, его юрисдикция распространялась на 73 тыс. невольников. Лагсуд в апреле — декабре 1935 г. осудил 1.512 заключённых, в том числе 687 — за побegi. Примерно половину от общего числа осуждённых составили деклассированные элементы.

С апреля по октябрь 1935 г. по 27 делам за контрреволюционную агитацию и пропаганду лагсудом были осуждены 45 чел. Подавляющая часть дел (21) возникло в связи с одобрением убийства Кирова. Расстреляли за это же время двух «контрреволюционеров» — в связи с падежом свиней их обвинили во вредительстве. Ещё чекисты не преминули обвинить расконвоированного заключённого Н. Лагутина в попытке не больше ни меньше взорвать здание управления лагерей аммономом по заданию неких новосибирских диверсантов, выдавших ему ради этого дела 500 руб. По «закону о колосках» осудили 58 чел., в том числе пятерых — к высшей мере наказания. По ст. 59-3 УК, каравшей за преступления против порядка управления, не имевшие контрреволюционного характера (видимо, выступления рецидивистов против лагерного режима) было осуждено 160 чел., причём каждый четвёртый получил «вышку» [187].

Отметим, что заодно с заключёнными нередко отдавали под суд и лагерную администрацию. Так, начальство Тайгинского лагпункта судили за допущение невыносимых условий содержания и спровоцированный этим побег 10 заключённых. В землянке Арлюкского отделения Сиблага в сентябре 1935 г. задохнулись в дыму пятеро блатных вожаков, пересаженных туда для изоляции от остальных и самовольно разведших костёр. Начальник этого лагпункта Германсон и оперативник-«кум» Закадинский за непринятие мер к пресечению процветавшего лагерного бандитизма были арестованы. А в ноябре того же года на строительстве железнодорожной ветки Сокур - Эйхе (Инская) сгорела палатка, которую пытались протопить, разжигая мёрзлые дрова керосином, заключённые-узбеки, в результате чего из 35 чел. погибли 12. Руководство лагпункта за игнорирование правил пожарной безопасности было привлечено к ответственности [188].

Бессилие работников оперчекотдела Сиблага перед лагерным бандитизмом отмечали в самом конце 1934 г. и в аппарате ГУЛАГа. Всё упиралось в кадры. Как себя вели лагерные чекисты, говорит эпизод с уполномоченным оперчекотдела УИТЛК УНКВД ЗСК в Бериккульском лагпункте Мариинского района П. А. Миньковым. В 1935 г. он был исключён из партии и осуждён на год заключения условно за целый ряд проступков: содержание под стражей без санкции прокурора заключённого Воробьёва, допущение обысков оперработниками у населения в пос. Красноорловском, слабую борьбу с хищениями лагерного имущества, пьянство и допущение пьянства среди подчинённых. Однако уже в июле 1935 г. районные власти восстановили Минькова в партийных рядах.

В дальнейшем для укрепления системы политсыска в Сиблаге предпринимались некоторые организационные шаги: например, в апреле 1937 г. в Мариинске (где располагалось управление Сиблага) был создан оперативно-следственный пункт УГБ для «чекистского обслуживания» окрестных Тисульского, Тегульдетского, Тяжинского и Чебулинского районов ЗСК [189].

Бомба... в штиблете

Начальник УНКВД порой весьма строго относился к своим подчинённым, периодически пресекая их попытки подсунуть явную липу. Те всегда были готовы представить начальнику сведения об очередной раскрытой антисоветской организации, но Василий Абрамович нещадно их разносил в случаях, если аргументы следователей не выдерживали совсем уж никакой критики. Но нельзя не видеть в этих приступах бдительности изрядного лицемерия, поскольку они не мешали начальнику управления то и дело не только мириться с явными фабрикациями, но и направлять их. Вынужденно одёргивал чекистов Каруцкий и тогда, когда крайком партии вдруг начинал негодовать по поводу какой-нибудь грубой провокации.

Например, 27 мая 1935 г. бюро крайкома рассмотрело вопрос о нарушении директивы крайкома и крайисполкома и приказа НКВД о выселении единоличников, саботировавших сев. Начальник Краюшкинского райотдела НКВД В. И. Елизарьев был снят с работы и наказан в адм. порядке за включение в список выселяемых семи единоличных хозяйств, получивших «нереальные задания» и частично выполнивших сев, а также имевших в своём составе красноармейцев. Выселенцев велели возвратить и вернуть им отобранные приусадебные участки. Доставалось и расхитителям: Я. Т. Бидюров, начальник Улаганского райотдела Ойротского облотдела НКВД, в январе 1936 г. был осуждён на три года лишения свободы за незаконные аресты, присвоение государственных средств и имущества, а также систематическое пьянство; полтора года спустя его освободили по амнистии [190]

Когда оперуполномоченный Транспортного отдела НКВД на ст. Новосибирск М. И. Градополов незаконно арестовал ревизора, то отделался 15-суточным арестом. Напрасно военный прокурор А. К. Апанович в июне 1935 г. просил привлечь Градополова к суду, сделав процесс над ним показательным в среде сотрудников НКВД — чекист впоследствии, несмотря на пьянство, пошёл на повышение.

Краевая прокуратура в том же июне 1935 г. отмечала неудовлетворительность надзора за работой местных органов НКВД, допускавших и аресты без санкции прокурора, и необоснованное привлечение по закону от 7 августа 1932 г. Например, прокуратура Бийского района санкционировала аресты по немотивированным требованиям чекистов, которые в нарушение инструкций не предоставляли прокуратуре докладных записок и справок, «доказывающих возможность и необходимость ареста до суда». Особенно легко арестовывали

без прокурорской санкции заместители начальников политотделов МТС и совхозов по работе НКВД.

В мае 1936 г. «погорел» Генрих Ренних — этот начальник Грязнухинского РО НКВД был снят и исключён из партии Запсибкрайкомом ВКП (б) за фабрикацию «контрреволюционного» дела, по которому весной 1935 г. незаконно арестовали и затем осудили восьмерых колхозников (присудив им в общей сложности 69 лет лагерей). Приговор был отменён крайсудом в конце 1935 г., в результате чего начальнику райотдела пришлось отвечать. Обычно исключённого из партии чекиста выгоняли из «органов», но Ренниха только понизили в должности, а потом восстановили в партии и дали возможность продолжать карьеру в НКВД [191].

Известная правительственная инструкция от 8 мая 1933 г., запрещавшая массовые аресты граждан местными властями, на деле не выполнялось. Городские и районные власти по-прежнему в массовом порядке арестовывали руководителей нижнего звена — председателей сельсоветов и колхозов. В связи с этим бюро Запсибкрайкома в постановлении «О состоянии революционной законности в крае» от 18 июня 1936 г. заявило, что в свете разработки проекта новой Конституции нетерпимы необоснованные обыски и аресты, практикуемые органами юстиции и НКВД. Между тем горкомы и райкомы ВКП (б) не только проглядели нарушения инструкции от 8 мая 1933 г., но в отдельных случаях сами толкали «работников юстиции и НКВД на совершение беззаконий». Райкомам и райисполкомам воспрещалось снимать с работы председателей колхозов и предавать их суду без постановлений общих колхозных собраний. Председателей сельсоветов разрешалось арестовывать и судить только с санкции краевого прокурора. Две недели спустя бюро крайкома сняло с работы начальника Троицкого райотдела НКВД А. Д. Морозова, которого затем по приказу начальника управления арестовали на 10 суток и сняли с должности — за несанкционированный арест судьи и этапирование его вместе с уголовниками [192].

Начальник Юргинского райотдела НКВД Ф. Д. Бойтман за фабрикацию дела на участников созданной им «контрреволюционной организации» 1 июня 1936 г. был арестован Каруцким на пять суток. А вот замначальника Барабинского райотдела НКВД А. Н. Заев был наказан серьёзней: расследуя в 1935-м пожар в д. Назаровой, он сфабриковал дело на группу «кулаков-поджигателей», осуждённых затем на пять лет лагерей. Летом 1936 г. Заев был разоблачён как фальсификатор (в пожаре оказался виноват председатель сельсовета) и получил два с половиной года заключения «за превышение власти». Впоследствии Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело на чекиста, и тот в 1938–1939 гг. работал зампредом Барабинского горсовета и райпрокурором, добившись восстановления в партии как «ведущий беспощадную борьбу с врагами народа».

Обычно те, кто хорошо разоблачал «врагов», могли спать спокойно. Так, начальник Асиновского райотдела НКВД И. Т. Ягодкин за 1933–1935 гг.

«вскрыл и ликвидировал» три повстанческие организации с числом участников 88 чел., четыре бандгруппы, «ряд хищнических и саботажнических групп». В 1935 г. его за вскрытие контрреволюционных организаций наградили месячным окладом и благодарностью от УНКВД. А в январе 1936 г. бюро райкома партии дало Ягодкину строгий выговор, вывело его из членов бюро и попросило краевые власти снять чекиста с работы «за огульное обвинение всего сельского районного партактива» в потворстве кулакам и неправильное информирование краевого руководства об обстановке в районе. Но Ягодкин, прикрытый своими прежними успехами и наградами, ещё год оставался на прежнем месте [193].

В 1939 г. в письме Берии заключённый археолог К. Э. Гриневич (сделавший себе научное имя раскопками Херсонеса) писал о нелепых обвинениях, предъявленных ему одним из видных работников СПО Г. Д. Погодаевым. Арестованный в апреле 1935 г. как участник новосибирской «фашистской группы» ссыльных питерских интеллигентов (они собирались для игры в преферанс и занятий спиритизмом) Гриневич сначала проходил как террорист. Археолог вспоминал, что «Погодаев во время следствия обвинял меня даже в том, будто я проносил в штаблете бомбу в здание Крайисполкома».

Бывало, что даже очевидный кретинизм и городских, и сельских оперативников не вызывал в Новосибирске раздражения. Так, осенью 1935 г. заготовитель сельпо в с. Бородавкино Искитимского района Иосиф Гончаров под диктовку замначальника политотдела по работе НКВД совхоза «Ворошиловец» А. А. Супрунюка записал следующую невероятную историю. Якобы к нему подошёл незнакомый человек (оказавшийся трактористом М. Евграфовым) и сообщил, что он на самом деле сын крупного кожзаводчика Скворцова, скрывается под чужой фамилией и вербует народ в повстанческую «Партию по борьбе с коммунистической зависимостью», у которой-де в Новосибирске есть «центральный секретарь». И к весне 1936 г. должен завербовать не менее 500 (!) человек.

Арестованный Евграфов признал, что говорил только насчёт Троцкого и его высылки — дескать, коммунисты выслали Троцкого из страха — но остальное отрицал. Подумав хорошенько, чекисты И. Гончарова на суд свидетелем не послали (возможно, не желая «светить» осведомителя) и вышеописанный эпизод не вошёл в обвинение. В результате тракторист Евграфов отделался тремя годами за «клевету на советскую власть» [194].

Периферийные чекисты, изнемогая в борьбе с врагами народа и не находя, как им казалось, поддержки в Новосибирске, подчас прибегали к помощи местных властей. Михаил Кострюков в марте 1937 г. жаловался на бывшее краевое начальство: дескать, двумя годами ранее, будучи оперативником Мариинского райотдела НКВД, «я без санкции края арестовал одного фигуранта, проходящего по разработке. Он признался в том, что является участником контрреволюционной организации. Его затребовал край к себе, допрашивали там, а потом освободили. Ещё факт. В колхозе им. Гамарника существовавшая там контрреволюционная группа почти с оружием в руках оказала

сопротивление правлению колхоза. Я прошу край дать санкцию [на арест]... два раза об этом запрашиваю — молчат. Обращаюсь к райпрокурору. Он даёт санкцию только на двух человек. Я нарушил чекистскую этику, обругал райпрокурора матом, пошёл к секретарю райкома и от него получил санкцию на арест участников».

Неизвестно, доходили ли до Василия Абрамовича все сведения о том, каким образом на местах лепили дела. Надо полагать, он неплохо знал, что делалось в крае и, если у подчинённых всё выходило шито-крыто или, по крайней мере, не получало ненужной огласки, считал провокацию в порядке вещей [195] .

Возникавшие внутри самого аппарата дела на следователей, явно нарушавших «социалистическую законность», Каруцкий старался гасить. Когда чекисты в конце 1935 г. через своего агента узнали, что на видных работников СПО Г. Д. Погодаева и Р. Н. Волова готовится жалоба арестованных Б. Ф. Бельшева и К. Э. Гриневича из-за вымогательства признаний и доведения одной из привлечённых к делу до психического расстройства, следователи аппарата особоуполномоченного сделали всё, чтобы затянуть расследование. Полтора года спустя они пришли к выводу, что жалобы — это провокация самих арестованных, которые специально сговорились на этот счёт, дабы скомпрометировать следствие. Чекисты остались безнаказанными.

Тех, кого можно было заподозрить в желании саботировать борьбу с врагами, при Каруцком преследовали весьма жестоко. 29-летний курсант оперкурсов УНКВД ЗСК в Новосибирске И. Г. Гуль пытался в 1935 г. получить освобождение от учёбы как больной туберкулёзом, но в итоге был исключён из партии как саботажник и осуждён на два с половиной года принудработ «за симуляцию в учёбе и разлагательскую работу среди слушателей» [196] . Заместитель Каруцкого М. А. Волков-Вайнер в своём приказе от 25 июня 1935 г. критиковал начальника Венгеровского райотдела НКВД Д. И. Надеева и трёх местных заместителей начальников политотделов совхозов по оперработе за плохую постановку агентурного осведомления в районе, угрожая чекистам военным трибуналом в том случае, если они не перестроят работы, а также допустят расхищение социалистической собственности и контрреволюционный саботаж в колхозах, совхозах и единоличном секторе [197] .

Да и к пьяницам вечно нетрезвый Каруцкий бывал суров: недавнего чекиста Георгия Байскова, переквалифицировавшегося в райпрокуроры и «выступавшего в пьяном виде на выездных сессиях в качестве гособвинителя», лично просил привлечь к уголовной ответственности, обращаясь с этим предложением в крайком партии. Те же чекисты, кто осмеливался распускать язык, отправлялись в лагеря: например, фельдъегерь Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Г. К. Варнавский в январе 1936 г. получил три года за то, что «во время переноски бюста Сталина допустил к[онтр]-р[еволюционное] выражение» [198] .

Пьянство, благодушие и ротозейство

При Каруцком в апреле 1936 г. арестовали крупного большевика-оппозиционера Николая Муралова (бывшего командующего Московским военным округом, работавшего в Сибири начальником сельхозотдела треста «Кузбассуголь»), а в июне — старейшего коммуниста Сибири, историка-архивиста и публициста Вениамина Вегмана — якобы за бывшие троцкистские симпатии. Немаловажно, что Каруцкий до поры до времени хорошо относился к участнику партийно-чекистских застолий Вегману, да и Эйхе долго защищал старого большевика, входившего в состав бюро крайкома, но приказ арестовать Вегмана пришёл из Москвы. Он основывался на очень невыразительных материалах, которые смогли к 1936 г. «нарыть» новосибирские чекисты.

Согласно очень давнему доносу раскаявшегося троцкиста Яна Кальнина Роберту Эйхе, как-то один из лидеров местных троцкистов Сурнов якобы сказал ему: «Вегман пожертвовал [нам] 25 рублей. Он полезный для нас старичок в Крайкоме партии». Также Кальнин доносил, что Вегман рассказал анекдот про завещание Льва Троцкого, услышанный в московском трамвае: «в этом завещании Троцкий пишет, что если за границей убьют или он умрёт, то пусть тела не бальзамируют и [в] Мавзолей не доставляют. Средства эти лучше отдать на индустриализацию. Пусть берут только мозги, заспиртуют и отправят в Москву. Спирт отдать Рыкову, а мозги Сталину». Этот анекдот относился к периоду 1929–1930 гг., когда Троцкий уже был выслан из СССР, а Рыков, чьё увлечение алкоголем было общеизвестным, ещё оставался главой правительства.

На первом допросе Каруцкий благодушно-цинично заявил Вегману, всё дело которого состояло из доноса о пожертвовании 25 руб. ссыльным троцкистам: «Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги». С другой стороны, Каруцкий долго не соглашался арестовать Муралова, утверждая, что чекисты дают ему «липу» и никакого троцкистского «центра» в Сибири во главе с Мураловым нет и в помине.

Взращённый Н. Н. Алексеевым матёрый следователь Серафим Попов потрясал добрым десятком томов агентурной разработки под кодовым названием «Военный», но Каруцкий ему говорил, что эти данные свидетельствуют только о том, что у Муралова есть знакомые, которые с ним просто общаются на бытовой почве и делать из них заговорщиков с имеющимися материалами нельзя... Позже Попов заявлял, что Каруцкий с Залпетером при корректировке протоколов вычёркивали из них те или иные «фамилии врагов под видом того, что, «мол, этого нужно проверить, кажется, его оговаривают враги», или «этого нужно вычеркнуть пока из показаний, а то Эйхе будет ругаться. [...] Все протоколы допросов основных арестованных посылались в Москву только после того как они пройдут через Эйхе» [199].

В итоге арест двух старых большевиков не принес начальнику УНКВД особых дивидендов: хотя старика Вегмана и удалось сломать, он через несколько недель погиб во время допроса при до сих пор неясных обстоятельствах (это случилось сразу после смены Каруцкого новым начальником УНКВД В. М. Курским). Что касается Муралова, которого допрашивали лично Каруцкий, а также Жабрев и Попов, то он сначала подписал признание в том, что в 1928–1930 гг. входил в состав Сибирского контрреволюционного центра и руководил подрывной работой троцкистов в Западной Сибири, но потом стал отрицать вину. Муралов держался целых семь месяцев, периодически дезавуируя вынужденно им подписанные протоколы допросов, и дал окончательные признательные показания только в декабре 1936 г., перед самым процессом «параллельного центра».

Возможно, что откомандирование Каруцкого в Москву было связано именно с его недостаточными усилиями по «вскрытию» в Сибири необходимой Сталину большой антисоветской организации. По крайней мере, приказ Ягоды, о котором речь ниже, хотя и не говорит об этом прямо, но свидетельствует в пользу именно такого предположения.

В Новосибирске привычное пьянство Каруцкого достигло крайней степени. Большинство документов НКВД, направляемых в крайком, подписывались его заместителем А. К. Залпетером, а сам Василий Абрамович постоянно устраивал за казённый счет весёлые банкеты. Но компанейский прожигатель жизни Каруцкий с помощью неформального общения долгое время не раздражал местные власти, поскольку его аппарат неплохо справлялся с выявлением врагов народа, а того количества арестованных и расстрелянных, которое было раньше, московские власти пока не требовали.

Между прочим, в 1935 г. году чекисты, внимательные к развитым потребностям партийно-советского начальства, обратили внимание, что бытовое обслуживание первого секретаря крайкома Роберта Эйхе совершенно неудовлетворительное: в столовой для руководящих работников края наблюдалась полная антисанитария и, вообще, окна столовой «расположены низко над землёй и были случаи заглядывания в окна, когда там обедал секретарь Крайкома ВКП (б) т. Эйхе». Положение было исправлено, и голодные новосибирцы уже не могли отныне неуместным любопытством портить аппетит своему главному начальнику [200]. А благодарный за подобные заботы Эйхе, построивший себе роскошный загородный дом приёмов, в ответ не портил жизнь Василию Каруцкому, поскольку понимал — у чекиста с такой коллекцией орденов в столице не может не быть хороших друзей...

Иногда Каруцкий, впрочем, сообщал первому секретарю что-нибудь интригующее: например, что в типографии в брошюре с отчётным докладом главы правительства В. М. Молотова вклеили часть рассказа «Гроб полковника Недочетова» из «Сибирских огней», а прокуратура, дескать, не занимается исследованием этого «дела о безобразных нарушениях, граничащих с

вредительством». Привольная жизнь любителя сладкой жизни закончилась через полтора года после приезда в Новосибирск.

Хотя сведения о неприличном поведении орденоносца уже не раз достигали Москвы, их припомнили, когда Генрих Ягода, почувствовав желание вождя усилить репрессии, обрушился на некоторых региональных начальников с обвинениями в развале оперативной работы. 15 июля 1936 г. появился грозный приказ НКВД СССР и «морально разложившегося» начальника лишили должности. Это, видимо, был один из последних крупных приказов Ягоды, заменённого на Ежова несколько недель спустя.

Приказ, доведённый даже до рядового оперсостава наркомата, гласил: после убийства Кирова работники НКВД должны были «до конца выкорчевать оппортунистическое благодушие и ротозейство», обеспечить приведение в порядок агентурно-осведомительной сети и повседневное руководство ею. Но некоторые руководители ослабили работу и не выявили активных троцкистов-контрреволюционеров.

Говоря о Каруцком, нарком отметил, что у этого способного и подававшего надежды на рост чекиста результаты хоть и получше, но он недостаточно целеустремлённо борется с троцкистами и зиновьевцами, а также запустил работу на железнодорожном транспорте, где «по целому ряду имеющихся у нас данных явно существовали японские диверсионные организации» (то есть мартовский процесс над железнодорожниками-«шпионами», которым Каруцкий, казалось бы, мог законно гордиться, оказался в глазах Лубянки совершенно недостаточным). Также Ягода отметил, что не раз «обращал внимание тов. Каруцкого на необходимость изменить личный образ жизни, совершенно недостойный чекиста» [201].

Вторые роли и новый взлёт

Отозванный в Москву Каруцкий привёз с собой целый вагон с разным барахлом (ценное имущество комиссара госбезопасности сопровождал специальный человек) и принялся ждать нового назначения. Соответствующий приказ появился только полтора месяца спустя. Опальный чекист получил небольшой пост начальника 3-го отделения в Секретно-политическом отделе ГУГБ НКВД, но мог считать, что отделался сравнительно легко, будучи пониженным лишь на одну ступень. Да и место в центральном аппарате ценилось выше, чем более солидный пост на периферии.

К тому времени его давний покровитель Л. Н. Бельский стал заместителем нового главного чекиста Ежова и, надо думать, помог Василию Абрамовичу получить вскоре вполне сносную должность заместителя наркомвнудела Белоруссии. Фактически же он должен был присматривать за вновь назначенным наркомом внутренних дел БССР Г. А. Молчановым, который до отправки в Минск возглавлял тот самый Секретно-политический отдел, куда загремел разжалованный Каруцкий. Вышедший из доверия Молчанов был

арестован уже в феврале 1937 г., а его заместитель два месяца спустя получил управление НКВД по Западной области с центром в Смоленске.

Борьба с врагами народа в области была порядком запущена. Например, к работе спецколлегии областного суда, рассматривавшей дела по ст. 58 УК, власти относились с явным пренебрежением. Из-за нехватки площади в здании суда у спецколлегии не было собственного помещения и её работникам весной 1937 г. приходилось рассматривать дела на врагов государства в коридоре!.. [202]

Правила 37-го Василий Абрамович усвоил сразу, фабриковать большие дела не только не мешал, а напротив, проявлял недюжинную инициативу. Набросившись на провинциальное «контрреволюционное подполье», уже 12 июля 1937 г. Каруцкий телеграфировал Ежову о том, что по Западной области расстрелу подлежат 1.700 кулаков и 1.600 уголовников, а заключению в лагерь — 7.700 чел. Ещё он предлагал дополнительно арестовать 500 «церковников» из числа уже осуждённых или ранее освобождённых по отбытии срока.

Это предложение утверждать в союзном НКВД не торопились, поэтому начальник управления 1 августа предложил своему начальству согласиться с расстрелом хотя бы 3.000 и заключением в лагерь 6.000 чел. 17 сентября Каруцкий отчитался о работе: арестовано 5.414 «контрреволюционеров» (12 организаций и 316 группировок) и 4.333 уголовника; он снова просил Ежова санкционировать расстрел трёх тысяч и отправку в лагерь семи тысяч арестованных. Огромное количество врагов в области Каруцкий объяснял слабой работой по «раскулачиванию», ибо в 1931 г. из 22 тыс. имевшихся в регионе «кулаков» было выслано «только» 5 тыс. [203] Террор захватил и местное начальство. Секретарь Западного обкома ВКП (б) И. П. Румянцев утром 17 июня 1937 г. был арестован, пытан и уже 29 октября того же года расстрелян в Москве. 28 августа был арестован и М. Н. Еремин — прокурор Западной области, впоследствии расстрелянный. Но не только за номенклатурой охотились чекисты. 22 августа поэт Александр Твардовский, узнав об аресте накануне своего близкого друга, литературного критика А. В. Македонова, спешно покинул Смоленск. А через несколько часов за ним пришли сотрудники УНКВД...

Кстати, Каруцкий не смог получить ожидаемых дивидендов от «дела писателей». Македонов выжил и впоследствии рассказал: «В моём деле при допросе главным пунктом была защита кулацкого поэта Твардовского и его якобы кулацких строчек в «Стране Муравии», не пропущенных тогда цензурой: «Ох, не били, не вязали,/ Не пытали, не пытали,/ Ох, везли, везли возами,/ С детьми и печниками» и т. д.» [204]. К счастью, чекисты так и не смогли дотянуться до «кулацкого» поэта...

К осени 1937 г. относится унижительный эпизод с «лечением» Каруцкого от его губительной привычки. Когда нарком Ежов узнал о «сигналах» в ЦК ВКП (б) из Смоленска, что начальник УНКВД чересчур пьянствует, он решил провести

необычный эксперимент по отучению чекиста от алкогольной зависимости, поручив своему заместителю Фриновскому вызвать Каруцкого в Москву и инсценировать его арест. Тот был вызван, арестован по настоящему ордеру и посажен на неделю в камеру. И когда дрожащего чекиста привели в кабинет Ежова, нарком в присутствии Фриновского предложил ему дать показания о своей заговорщицкой работе.

Растерянный Каруцкий только и мог сказать: «Николай Иванович, Вы же всё знаете, о чём же мне писать?» Ежов в ответ рассмеялся и сказал, что арестован Каруцкий был по инициативе Фриновского для того чтобы прекратил столько пить. Сразу после этого разговора Каруцкий был освобождён, и все трое собеседников поехали ужинать к Ежову [205]. При этом надо учитывать, что сам нарком был горьким пьяницей и его ужины не проходили без водки и коньяка. Видимо, Каруцкого его начальники подвергли дополнительной пытке, заставив в своём присутствии ужинать «на сухую». Какое-то время Каруцкий держался...

Эпизод с «лечением» можно датировать периодом после 20 октября, когда появился приказ о снятии Каруцкого с работы в Смоленске. Затем в течение месяца информации о его деятельности нет, а 17 ноября 1937 г. Василия Абрамовича назначили заместителем начальника СПО ГУГБ НКВД СССР. Должность второго человека в СПО была существенным повышением, ведь, наряду с КРО, Секретно-политический отдел являлся главным в тогдашней системе НКВД. Возглавлял его М. И. Литвин, явно помнивший Каруцкого по работе на Дальнем Востоке, где работал в Госполитохране и ВЦСПС, а также в Средней Азии, где возглавлял региональное бюро ВЦСПС. Михаил Литвин долгое время трудился с Ежовым в аппарате ЦК партии и пользовался его полным доверием. Возможно, он и стал ходатаем за приглашение смоленского чекиста в Москву.

Позиции Каруцкого в Москве выглядели неплохо: отдел, в котором он работал, успешно перемалывал тысячи и тысячи «врагов народа», так что уже 19 декабря 1937 г. комиссар госбезопасности получил орден Ленина. Замарать руки Каруцкий не опасался. В период реабилитаций при проверке дела бывшего секретаря Воронежского обкома партии М. Е. Михайлова было выяснено, что того в Лефортовской тюрьме избивали Ежов, Фриновский, Каруцкий и другие руководители НКВД [206].

Кстати, именно благодаря Каруцкому весной 1938 г. был освобождён арестованный другим отделом ГУГБ НКВД важный агент «Володя» — политэмигрант Имре Надь, будущий премьер-министр Венгрии. В горячке репрессий сексотов хватало очень часто, и далеко не всегда им удавалось выйти на свободу, так что Надю откровенно повезло. Тогда же Каруцкий помог избавиться от преследований со стороны своих подчиненных симпатичной актрисе Галине Кравченко, невестки одного из главных сталинских врагов Льва Каменева [207]. Такой поступок, продиктованный, возможно, женолюбием нашего героя, всё же требовал определённой смелости.

А 20 апреля 1938 г. Василий Каруцкий получил должность начальника Московского облуправления НКВД, что стало венцом его карьеры. Он сменил прежнего начальника УНКВД Л. М. Заковского, при котором репрессии достигли пика. За недолгий период пребывания в этой должности Каруцкий, разумеется, не мог избежать участия в заседаниях пресловутой тройки УНКВД. Однако любые успехи в истреблении невинных людей не давали гарантий выживания. Вряд ли заматерелого чекиста отпускала боязнь разделить участь многих своих знакомцев, не менее заслуженных, но уже исчезнувших в подвалах Лубянки. Бывшие его заместители Залпетер и Вейзагер тоже были арестованы и, как мог догадаться Василий Абрамович, давали показания, угодные следствию... Вейзагер был расстрелян 9 мая 1938 г. Знал ли об этом работавший в Москве Каруцкий?

О психологическом состоянии высших руководителей НКВД в период террора наглядно свидетельствует эпизод с пьяной ссорой Каруцкого и ежовского заместителя Леонида Заковского. Однажды весной они засиделись на даче Фриновского, и его сын утром услышал перебранку: «Каруцкий называл Заковского изменником и шпионом и говорил о том, что он скоро будет арестован. Заковский, в свою очередь, называл Каруцкого предателем и заявил, что если он и будет арестован, то только после Каруцкого». Однако ежовский зам ошибся, поскольку за ним пришли в ночь на 30 апреля 1938 г [208] .

Неизвестно, насколько порадовала Каруцкого расправа над Заковским, чьё кресло он сразу занял. И, само собой, старый чекист не знал, что в одном из доносов именовался «старым колчаковцем» — кое-кто из «друзей» вспомнил мобилизацию 1919 г. и официально десятидневное пребывание Каруцкого в музыкальной команде Белой армии. Но догадывался о многом. К тому же заместитель Ежова Лев Бельский в апреле 1938 г. утратил своё высокое положение, будучи переведённым в НКПС. Матвей Берман, некоторое время работавший заместителем у Ежова, ещё раньше был переведён на должность наркома связи СССР. В чаду террора Каруцкий почувствовал себя очевидным и скорым кандидатом на арест. Проведя всего три недели в кресле начальника Московского облУНКВД, Каруцкий поторопился поставить точку, не дожидаясь прямого приглашения на казнь.

Враждебно настроенная к Каруцкому Агнесса Миронова, возвращаясь в высоких правительственных сферах и хорошо информированная, вспоминала, что начальник управления стрелял в себя после крутого застолья. Иную версию даёт Михаил Шрейдер, которому вдова видного разведчика-чекиста А. П. Невского рассказывала, что была с мужем у Каруцкого за несколько часов до самоубийства и не заметила ничего настораживающего: были ужин, обсуждение новостей, покер; засиделись допоздна и Василий Абрамович всё уговаривал гостей не уходить... [209]

Шрейдер от кого-то слышал, что Каруцкий перед смертью якобы отправил в ЦК ВКП (б) письмо с протестом против недопустимых методов, практикуемых в НКВД, но эта версия выглядит сомнительно, совершенно не согласуясь с

хорошим карьерным ростом комиссара госбезопасности в 1937–1938 гг. 82. В ночь на 13 мая 1938 г. Каруцкий попытался покончить с собой, но выстрелил не совсем точно. Начальника управления НКВД увезли в Боткинскую больницу, где он и скончался несколько часов спустя, обрадовав бдительных коллег-доносчиков и заставив насторожиться многих других.